

Огонек

*Фин
54835*

МАССОВОЕ
ФОТО
ОБЪЕДИНЕНИЕ
С. ПЕТЕРБУРГ

На Красной площади в Москва

Фото Б. Кудоярза

Памятник Н. А. Щорсу в Житомире

Фото Шварцбург

XX 287
147

25 апреля 1935

Огонек

№ 12 (522)

Ежедекадный журнал

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЫЛАЗКА В БУДУЩЕЕ

Авто скользит без шума и толчков
По легкой Ленинградского шоссе.
Подставив ветру плоскости очков,
Рулит неразговорчивый сосед.
Вот гонка!
Вот безумная езда!
Мир закружился в вихре быстроты.
На повороте синяя звезда
Блеснула и упала за кусты.
И тишина.
И ночь со всех сторон.
Ряды деревьев в лаковой росе.
Широкими пунктирами неон
Мерцает по обочинам шоссе.
Мелькает пена зелени
И прямо,
Столбами света темноту деля,
Оправленные в бронзовые рамы
Прорезались напильвы хрусталя.
В дрожащий сноп прожектора вошло,
Как малый лучик проникает в щелку,
Серебряное легкое крыло
На голубом волнующемся шелке.
За ровным срезом тополевого роши,
Где темнотой потеряны права,
Огнистой вязью разбежался росчерк
«Москва — Аэропорт — Москва».
Бесшумно скорость глушат тормоза,
Иду, подхваченный каким-то шквалом.
Какой здесь век?
Теряются глаза
В диковинном, нездешнем, небывалом.
Из синевы ночной, на первый план,
Как отзвук давних, детских ощущений,
Спускается стальной ракетоплан
Главупра Межпланетных Сообщений.
За ним другой и третий.
Эскадрилья
Фантазии, овеществленной в быль.
На желтый гравий стряхивают крылья
Тончайшую космическую пыль.
Перекликаясь громко, по земному,
Спеша в домашний, обжитый уют,
Геологи, туристы, астрономы
По легким трапам сходят из кают.
Чуть утомясь от долгого полета,
Проводники в каютах гасят свет.
Веселые безусые пилоты,
Смеясь, уходят ужинать в буфет.
Механики, блестя коричневым загаром
Открытых ветру мужественных лиц,
Не торопясь, разводят по ангарам
Своих стальных, разгоряченных птиц.
Столица спит.
Минутные деленья
Бесстрастно рассекают тишину.
По расписанию
Эскадрилья «Ленин»
В шесть тридцать
Вылетает на луну.

А. Л. СУРКОВ

МАЙ

Былым пропитан том времен,
Из переплета — пот сочится...
Не клеем — кровью крепко он.

Переверни
Веков страницу
Обратно,
В прошлое,
Назад...

И в память
Кровью проструится
Вчера,
Похожее на сон...

И правда прошлого нагая
Пойдет на штык врагов низать...
И ненависть,
Как мяч — тугая,
Впитав тяжелый свист нагаек,
Сшибет
казакий эскадрон,
Городовых тупые лица,
Пикеты армий
и полиций...
И прокламации,
Как птицы,
Слетятся к маякам знамен.

Припомни —
Май.
Маевка.
Вечер.
Летучих лозунгов слова.
Клинки,
Картавый вскрик картечи...
Намокла кровью голова...

Поражены,
Но не разбиты —
Под шашкой,
Пулей
И копытом
Ложжились толпы наповал...

Но распрямлялись
снова
плечи!

Их
снова
Пулемет калечил,
Свиней
Их
снова
целовал...
Читай кровавые заметки
В живых страницах мостовых.
По ним —
летят мотоциклетки,
Их —
мнут колеса ломовых,
В них
вихрь борьбы
Картечью
Высек
Красноречивых жизней список,
Героев старых,
Молодых...
На стенах фабрика
Нередко
Найдешь свинцовую отметку
Суровый след
Боев былых...
Они —
Лишь сон,
Лишь призрак страшный,
Который кровью окружен,
Пропитан смертью...

Сон вчерашний
Сегодня —
Быль
за рубежом!
Наш гнев
Всех паразитов выжжет
На теле
Вены
И Парижа,
На всех материках подряд
Пройдет
Наш сомкнутый отряд,
Знамена Мая поднимая...

Наполнен
Крепкий парус Мая
Могучим ветром Октября!

ИГОРЬ СТРОГАНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПЕРВОМАЮ

В дорогу! Руку!
подойдем к окну,
Где алый хор
плакатов на карнизах,
Здесь для отпильты
в майскую страну
Поставит солнце
золотую визу.
И мигом — в дверь,
к певучему огню,
Где так легли
на алых стягах домны.
Мы будем
путешествовать по
дню,
Как по стране
чудесной и огромной.
Из чащи стягов
рвется соловей —
То демонстрантов
пенистое пенье.
Здесь — к собственной
улыбке — человек
Идет в пиджак одетым
дополненьем.
Идут:
веселье в радужных
платках,
Энтузиазм,
набекренив кепки,

Задор спешит
на звонких каблучках,
Шагает натиск
в сапожищах крепких,
Вдруг птичий гомон,
школьницы видны.
Идут, как скачут,
молоды и гибки.
Их голоса
пискливы и нежны,
Как будто вышли
на прогулку скрипки.
Идут писатели,
идут профессора
Очкастой
и нестриженной
лавиной.
И выразительней
короткое «ура»
Речей обычных,
комнатных и длинных.
Ведут заводы
цифрами нальбу:
«План перевыполнен
на столько-то,
Сверх — столько»
Труба оркестра,
выпятив губу,
Приветствует
героев стройки.

Вдыхаем воздух,
пьяный, как вино:
Ведь он процежен
нынче сквозь знамена.
И движется,
как мощное одно,
Сливающиеся
колонны.
И столько бодрости
в параде.
Так все чеканны,
как один,
Что видно лишний раз:
Ни пяди
Своей земли
Не отдадим!
Вот площадь Красная...
Вся в майском ярком
свете
Здесь сердце бьется
Втрое горячее.
И кремлевским флагом
плещет
ветер,
Как читатой
Ленинских речей!

Ю. НАЗАРОВСКИЙ

НА РОДИНЕ ЩОРСА

С. АБОЛЬНИКОВ

На моей родине, есть небольшой украинский городок Сновск.

Он расположен возле старого соснового бора. Слева протекает узкая река Снов. На правом ее берегу — «чудо природы» — так называемый «цыганский берег». Кто из сновчан не знает этого чарующего места?

Вероятно, и сейчас в Сновске тот же тихий вечерний сумрак, то же чистое небо и те же узкие, розовые и оранжевые полоски зарп. Как хорошо в Сновске!

Но этот тихий провинциальный городок прекрасен не только своей замечательной природой, но и своим революционным прошлым — так же, как и настоящим.

О настоящем поговорим особо, а сейчас хочется вспомнить, как однажды поздним вечером жители Сновска были разбужены орудийным выстрелом. Вслед за ним прогремел и второй и третий. Стреляли немцы. На окраине начался пожар. Над городом встало красное, огненное зарево.

Это — гражданская война пришла в Сновск. Тревожно гудели паровозы. Отступали красные войска.

Боец, партизан Липкин, забыл свою бурку в гостинице. Под пулями он влетел в свою комнату и выскочил обратно в окно прямо на лошадь. Его окружили немцы. В руках партизана заблестел клинок, — блестящая рубка спасла лихого бойца. Весь израненный, он вырвался из кольца и догнал своих.

Немцы беспорядочно стреляли по городку. Неожиданно стрельба по городу прекратилась и всю силу артиллерийского огня немцы сосредоточили на лесу. Из него небольшая группа сновских партизан, вооруженная берданками и итальянскими винтовками, обстреливала немецкий эшелон. Долго пытались немцы выбить партизан из леса, но это никак не удавалось. Артиллерийский обстрел усиливался.

Истратив все патроны, небольшая группа сновских партизан решила укрыться на ночь на еврейском кладбище. Уже вечерело, небо зловеще нависло над кладбищем.

Что же дальше? Куда итти? Опыта партизанской борьбы у сновчан не было. Это была молодежь, которая впервые в жизни взялась за винтовку. Но первое боевое крещение они получили. Первый опыт революционной борьбы есть. Не было никакой растерянности, все вели себя, как настоящие бойцы-герои.

— К Щорсу Николаю надо пойти, — неожиданно сказал Ваня Мурий.

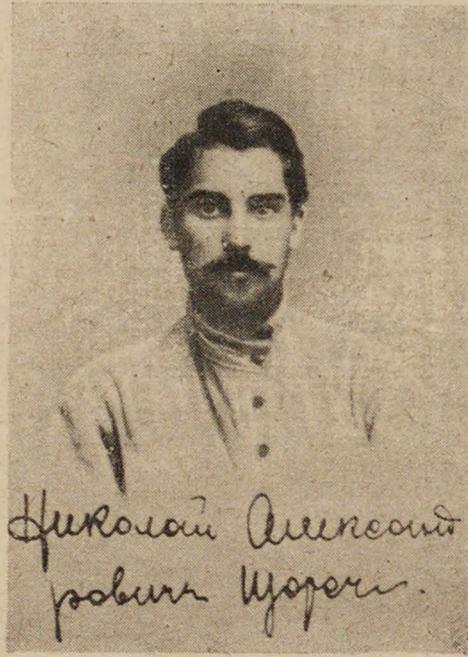
Бойцы встрепенулись. Немного из нас знали Щорса лично, хотя особенность нашего города в том, что все жители знают друг друга. Но всем было известно, как охотились за Николаем Щорсом сновские стражники, знаменитые взятчики Воскобойников и Богда. Об этом нам недавно рассказал брат Николая Щорса — Григорий.

— Николай возвращался из отпуска в Киев. На станцию вышли его провожать отец и мать. Я окольными путями, в рваных штанишках с копной выцветших от солнца волос тоже прибежал на станцию провожать своего старшего брата, но боялся попадаться на глаза отцу, который приказал мне сидеть дома.

Стоя за дверью, из зала ожидания я наблюдал, как на платформе мать, плача и обнимая Николая, что-то шептала ему на ухо. Он слушал ее рассеянно и с опаской оглядывался по сторонам. Отец стоял поодаль и безразлично смотрел на народ, толпившийся на платформе в

ожидании поезда, до прибытия которого оставалось 30—40 минут. Через некоторое время из двери зала выбежали на платформу наши «старые знакомые» — стражники Воскобойников и Богда. Запыхавшись, подбежали к группе, где стояли брат, отец и мать, и без особых разговоров начали обыскивать Николая и его вещи. Николай, криво усмехаясь, смотрел на пыхтевших стражников, отец же потребовал объяснений и вступил со стражниками в спор.

Этот случай на вокзале мигом облетел Сновск и очень долго после этого шо-

Портрет и автограф Н. А. Щорса

потом говорили о Щорсе, хотя не все знали причину обыска. А стражники Богда и Воскобойников на вопросы отвечали, «что это опасный человек», «политический», но сами они не понимали, что это слово значит.

И каждый раз, когда Николай Щорс приезжал домой на каникулы, постоянными гостями в семье Щорса были стражники.

...Но, вот, немцы в городе. Уже за полдень. Обстрел городка прекратился. Ваня Мурий, большой, нескладный с ясными, голубыми глазами — летний ветер трепал его белокурые волосы, а луна освещала его умное, простое лицо. Он решил пробраться к старику Щорсу и узнать, где находится Николай. Он часто повторял:

— Эх, пулемет бы сюда, и от немцев ничего не осталось бы!

Ваня Мурий учился вместе с Николаем Щорсом в железнодорожной школе, работал в депо с отцом, знал всю щорсовскую семью. Вот почему он решил отправиться к ним, узнать, где Николай, посоветоваться с ним, как быть дальше. Он ушел. За ним ушло еще несколько товарищей. Мучительно было время ожидания...

Вдруг ночную тишину потряс сокрушительный артиллерийский гром. Слово буря пронеслась над городком. Как выяснилось впоследствии, это Мурий Иван и еще несколько товарищей перевели железнодорожную стрелку и пустили под откос немецкий бронепоезд, который направлялся на станцию Ни-

зовку. Вот так работали товарищи и земляки Щорса. Даже в одиночку они наносили чувствительные удары врагу. Но до Щорса Ваня Мурий так и не дошел и обратно к группе не вернулся: около дома Щорса, на новой Базарной улице, ходили немцы. В доме Щорса происходил обыск.

Искали Щорса сновские партизаны, искали, как своего командира, товарища, земляка, искали его немцы, как врага, чтобы уничтожить. А Щорс в это время в Сновске же вел подпольную, революционную работу среди железнодорожных рабочих, подготавливая их к восстанию, организовал подпольный ревком. Когда сновчане узнали, что Щорс уехал на паровозе, переодетшись в форму паровозного кочегара, на паровозе, на котором ездил в качестве машиниста отец его в Унечи, потянулись сновчане за своим земляком, чтобы под его руководством выгнать немцев-оккупантов, которым националисты всех мастей продали Украину.

Мы вспомнили этот эпизод из жизни Сновска, — где вел революционную работу Щорс, потому что образ его еще жив в нашей памяти. И не случайно Ваня Мурий, приятель Щорса, впоследствии был одним из организаторов сновского комсомола и погиб на польском фронте смертью храбрых. До конца своей жизни он неизменно повторял:

— Был бы здесь Николай Щорс, мы бы не такие дела показали панам полякам.

Хорошо знали сновчане своего Щорса. Имя его не раз служило нам, сновским коммунарам и комсомольцам, в годы гражданской войны знаменем борьбы за пролетарскую революцию. Вот один из таких примеров. Когда войска Центральной рады решили взорвать железнодорожный мост, почти все рабочие, вооруженные чем попало, пришли на мост и заявили командованию отряда Центральной рады:

— Мы мост вам не дадим взорвать, мы все погибнем вместе с мостом.

Рабочие-железнодорожники тут же разоружили подрывную команду и взяли на себя охрану моста. Среди железнодорожных рабочих было немало людей, которые проходили школу юного революционера Щорса. Так и не удалось взорвать мост. Сновские железнодорожные рабочие дали возможность Красной армии продвинуться вперед.

Фигура Щорса только сейчас начинает перед нами вырисовываться, как фигура легендарного бойца и командира. За свою короткую жизнь, которая «буквально укладывается в комсомольский возраст», как возарила жена Щорса Фрума Ростова, Николай Щорс выказал крупные способности, беспримерную храбрость и дал образец прекрасного организатора и командира партизанских отрядов, а затем командира 1-й Украинской дивизии.

Много времени прошло с тех пор, как погиб Николай Щорс. Иной стала страна. Иным стал и Сновск. Сейчас это не маленький, заброшенный, тихий Сновск. Теперь он не тихий и не заброшенный. Сновск растет. Растут железнодорожные мастерские. Выросли лесопильные заводы, организованы колхозы и совхозы. В центре города — чудесный памятник Ленину, кино, театр, парк. Мой родной город дал нашей стране ученых, дипломатов, инженеров, военных специалистов, врачей и агрономов, крупных работников советского и партийного аппарата. Революция вырастила этих людей, которые хорошо помнят любимые слова своего земляка Щорса:

— Революция диктует, советская власть приказывает, а мы должны исполнять.

ПОДВИЖНЫХ СИЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРО

1 мая 1934 г. на Красной площади в Москве

ПАРАД в МОСКВЕ на КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Волнение начинается обычно за несколько дней до парада. Надо получить билет. С каждым годом все больше и больше уважаемых товарищей и знатных граждан, а трибуны пока те же. Люди, выдающие билеты, сразу приобретают небритый, невыспавшийся вид. Им звонят по телефону утром, днем, вечером и ночью.

В общем, ясно одно: трибуны—правая и левая—будут до отказа заполнены, на них будут уважаемые товарищи и знатные граждане.

На ранних улицах — чудесная предпраздничная тишина. Множество милиционеров, конных и пеших. Улицы и переулки, прилегающие к главным артериям демонстрации, огорожены, вымыты и посыпаны желтым песочком.

Наконец, вы на Красной площади! Вот она, площадь парада, площадь показа нашей силы, нашей славы!

Трибуны — в шесть рядов. Но никогда не надо сетовать на то, что вам попался далекий ряд. Во-первых, трибуны расположены террасой и отовсюду хорошо видно, а, во-вторых, даже последний ряд иногда бывает богаче возможностями, нежели первый.

Красная площадь велика, но с тех пор, как в газетах напечатаны проекты высокого створчатого дома Наркомтяжпрома, который станет на месте Гума, она уже кажется малой. Глаз уже нетерпеливо хочет расширения. Все же и сейчас на Красной площади помещается большое количество войск. Они стоят разноцветными строгими прямоугольниками. Только попозже, когда из груди вырвется единодушное «ура» — будет ясно, какое количество людей стоит на площади и какая это сила.

Голоса парада, музыка, звуки и шумы движения — это особая, еще не разработанная тема. В Москве есть человек, который всецело посвятил себя созданию радиофильма — симфонии парада на Красной площади. Он сам записывал звуки. Его извлекали чуть ли не из-под копыт лошадей, из-под танковых гусениц! Он работал в маленькой, совсем маленькой комнатке. Он мог говорить только о том, какая получится симфония — исключительная симфония, если записать все звучания, шелесты, шумы, песни, голоса, речи и музыку парада на Красной площади. Он много поработал, собирая все это на пластинки, и тут же продемонстрировал нам свою работу. Действительно, это было прекрасно! В заурядный будничнейший вечер, в маленькой тесной комнатке мы почувствовали величие, мощь, необычайную красоту нашего парада. Мы слышали музыку, голоса, могучейшее «ура», покань копыт в напряженной тишине — это выехал на лошади нарком. Мы слышали грохот орудий, прохождение пехоты и артиллерии, гул самолетов, речи вождей, подмывающие марши и дыхание и песни сотен тысяч проходивших демонстрантов...

Где теперь этот оператор-композитор? Готова ли его симфония?

...Сейчас начнется парад. Площадь заполнена. Переулки вокруг нее — тоже. Если вы попали на правые трибуны и шли из центра кругом через Замоскворечье — не жалейте о длительной прогулке. В переулках вы проходили мимо ожидающих частей. Разве это было не интересно вам? Вы проходили мимо отрядов партизан, мимо всевозможных красноармейских частей, ожидавших своей очереди. Вы лишний раз убедились, как изменился тип красноармейца, командира, как выросли они! Они вольно стояли, смея-

лись, и вы могли слышать, о чем они говорят, как они шутят, и подумать о том, что уже исчезла даже самая возможность сравнения этой молодежи со старой царской армией. Красная армия сейчас — сколок с той новой многомиллионной передовой молодежи, которую мы видим на фабриках и заводах, в школах, колхозах, совхозах и многочисленнейших наших стройках. Тут что ни человек, то интересная судьба, яркая биография.

То же и на трибунах. Что собою представляют трибуны? Ктo на них?

Начнем просто записывать фигуры. Всех не запишешь, запишем хотя бы рядом стоящих. Красивая стройная женщина в изящной пестрой курточке. Рядом с ней красный командир с двумя ромбами. С другой стороны — тоже военный работник, который — это совершенно ясно — относится к ней отнюдь не плохо. Ничего не поделаешь, это совершенно ясно. Но это их личное дело. Во внешности военных есть такое, что видишь не только эти теперешние новые, хорошо вытуженные шинели, а видишь их и в прошлой боевой обстановке, — может быть, в сморщенных, грязных шинелях, с плохо заматыми следами крови от полученных ран. Несомненно, эти люди многое прошли и о них можно многое рассказать. И эта красивая гражданка, которая так мягко запахивается в свою изящную пеструю курточку, тоже видала немало. Если она не была на фронтах, то достаточно побегала по лестницам в голодные годы с бумажками в руках, с приказами, с отношениями. Достаточно поработала — может быть и на производстве. Неслась в поездах, тряслась в машинах и на лошадах по широким путям Союза.

Сейчас она хочет быть центром дружеской беседы. Она хочет смеяться и кокетливо кутаться в свою пеструю курточку. Пожалуйста, это очень приятно наблюдать.

За этой тройкой стоит человек в слезах. Это пожилой человек с глубокими морщинами, в длинном пальто и шляпе. Он смотрит на площадь, на стройные ряды красноармейцев, которые занимают места и перестраиваются, и — плачет. И пусть... Пожалуйста, плачь... Он плачет от радости, от умиления. Он некрасиво сжимает губы. Ему неловко. Он отворачивается, надвигает шляпу на глаза, но ничто не помогает: ясно видно, как подкатывает к горлу волнение и он ничего не может поделать — слезы... Пожалуйста!

Дальше — группа иностранных рабочих. Молодые парни и девушки. Сколько хлопот и трудностей преодолели они, пока приехали в Москву на праздник! Как им завидовали! Сколько они волновались! И вот они здесь в сказочной, легендарной Москве, в мировом центре революции, на Красной площади, да еще в день парада! Среди них есть один более опытный. Он, видимо, знает, как быстро проходит все в жизни, как быстро окончится и это чудесное путешествие в Москву, которое так долго организовывалось. Пройдет еще несколько дней, и придется вернуться на родину, и путешествие в Москву будет позади, будет казаться прекрасным сном... Он смотрит на площадь с легкой грустью, как влюбленный перед неизбежной разлукой.

Работница-иностранка, его спутница, буквально рвется в высь. Она хочет стать на каменный барьерчик — хотя это не разрешается — обычно только дети поднимаются на них, и она, поднявшись, сходит, но через несколько минут опять поднимается. Она хочет вскочить наверх, она хочет полететь над этой площадью, утонуть в ней, купаться в ее радости, в ее блеске, в ее силе, в ее славе!.. Она крайне возбуждена, волосы ее выбились из-под берета!..

Очень тесно. Много лиц, причем лица эти сложны, интересны, сложно типичны. Что проделывал, например, вот этот человек, которому на вид лет сорок — простой, скромный человек? Поставьте его на любую улицу, в любую обстановку — он будет так же скромен, прост, вы не обратите на него внимания. А ведь он старый известный партиз!

...Мимо трибун проходит С. М. Буденный с группой своих соратников. Шопот идет по рядам: «Буденный». Всем известно его лицо с большими черными усами. Но не это типично для этого легендарного человека. Типично, что он смеется заразительно весело, искренно, умеет говорить мягко с большой вдумчивостью и при этом похож на обыкновенного мастерового человека. А этот мастер брал у офицерских полков по семьдесят шесть орудий в один бой, этот «мастеровой человек» забирал в плен по десять полков.

На Спасской башне, на часах — без шести минут десять. Сейчас выедет из горст на коне нарком Ворошилов.

И вот — ровно десять — из Спасских ворот выезжает нарком. Красивый конь несет несколько боком, высоко поднимая в галопе передние ноги.

Наркому рапортуют. Он принимает рапорт и начинает объезд частей. Это длится довольно долго. Части приветствуют наркома криками «ура». Затем он входит на трибуну, произносит речь.

Салют начинается. Становится на душе по особому торжественно, напряженно, буйно и весело. Одни удары громче, другие тише. Это зависит, очевидно, от ветра, от степени густоты воздуха, от направленности пушечных дул. Глуи воздуха — это явственно слышно — разрываются. Всякие образы копошатся в голове.

Захватывает дыхание от первого бодрого шага первой части. Идут чужанно, напряженно, красиво, идут — повернув лица в сторону мавзолея, на трибуне которого стоят члены ЦК, стоит Сталин... Знамена склоняются.

На нашей трибуне многие волнуются. Молодая иностранная работница сжала губы, еще больше расширила глаза и стоит на барьерчике, напряженная до дрожи. Ветер сильно треплет ее волосы.

А что делает тот, в шляпе? Плачет ли? Ну конечно, плачет. Это плач от радости...

И старая женщина очень волнуется и напряженно смотрит на площадь. Это, очевидно, старая партийка, жена подпольного работника, которой немало пришлось вынести за свою жизнь. Возможно, она была и в ссылке. Трудно судить по лицам, и не следует судить по лицам, но по ее лицу видно, что она многое перенесла, но не разочаровалась в людях, а любит людей, доброжелательна к ним. У нее доброе, благородное лицо этакой учительницы — «народоволки». До начала парада она ела пирожки, которые запасливо принесла с собой в газете. Пирожки вкусные, особенно на утренней прохладе. Разумеется, она не могла их есть одна. Она предлагала их красноармейцу, который стоял около нее за барьером на лестнице:

— Ешьте, товарищ, — предлагала она ему от всей души.

— Спасибо, — отвечал он. — Я не буду. Нельзя на посту есть, да и вообще не хочется. Спасибо.

Но она со старческой настойчивостью и материнской навязчивостью совала ему жирную газету с пирожками и смущала его. Ему было неловко, что к нему пристаёт какая-то старая женщина... Он краснел и отказывался, но уйти не мог никуда, ибо стоял на посту. А вокруг уже заметили эту сценку. Люди все замечают — будь они не ладны! — всюду поспевают глаза, и уже кто-то иронически улыбался, и были усмешки за спиной старухи... Красноармейцу было очень неловко, а старуха не оглядывалась и не видала усмешек и не хотела понять, как можно отказываться от таких вкусных пирожков...

— Да не буду я есть, — отмахивался красноармеец. — Спасибо. Что вы, в самом деле!..

Теперь оставшиеся пирожки опять завернуты в газету и старая ветеранка волнуется вместе со всеми. Несомненно, она чувствует, чего стоило накопление этой радости, этой силы, этой победы.

Войск большое разнообразие: пехота, танкисты, пограничники, войска особых отрядов, летчики, саперы! Краснофлотцев встречают особенно хорошо. Пленяют молодые красавцы, восхищаются эти романтические ленточки на бескозырках...

А вот и женщины! Вы видели, смотрите — женщины идут не хуже, чем мужчины! Честное слово, лучше! Действительно, широкими рядами идут женщины, ученицы военных курсов, химички, они в черных курточках и синих юбках, в ярко-ярко синих новых беретах. Чорт знает, как шагают! Просто и представить себе нельзя!

И еще отряд. Эти уже с винтовками на ремнях. Также шагают замечательно!

Но и мужчины не отстают. Это для красного словца кто-то говорит, что женщины шагают лучше.

Впереди каждой части — командир. Несколько поодаль — его заместитель, младшие командиры... Командир идет с саблей наголо мимо мавзолея, потом опускает ее...

На парада двадцатого года, двадцать второго и даже более поздних на пальцах некоторых командиров еще сверкали на солнце золотые венчальные кольца. Это были старые офицеры, пришедшие на службу революции... Многие из них служили честно и преданно, но расстались с кольцами было трудно им... Сейчас их мало. Сейчас не блестят на солнце кольца. Большинство командиров — из новых кадров — из рабочих, колхозников...

Трибуны волнуются. Пестрая масса людей ни одной минуты не остается спокойной. Передвигаются и покачиваются, стараясь найти между головами и плечами предыдущих рядов свободную линию.

Сводные оркестры играют марши. Много есть хороших, сильных и радостных мелодий. Лирической силой исполнены их гулкие раскаты и переходы. Хорошо ходить под них, тонуть в многотысячном коллективе.

Идет Пролетарская дивизия. Ей аплодируют. Нельзя не аплодировать. Ей всегда аплодируют — Московский

пролетарской дивизии. Уж очень мужественны, грозны и красивы ее ряды с винтовками, направленными вперед, наизготовку. Долгое «ура» стоит над площадью.

Аплодируют и партизанам, которых не видно из-за леса знамен. Каждый несет знамя, и это — грозное, красивое зрелище.

После пехоты на площадь с шумом и грохотом врывается конница. Вот где задача для этого самого радиокомпозитора! Шумы и грохоты тут разные: густое цоканье копыт в тесных рядах бегущих лошадей — одно, затем это сливается с сухим грохотом артиллерийских колес и более густым звуком от тех же колес, когда они прижимают к торцам более тяжелое орудие, и не успеет ухо воспринять эти звуки, как возобновляется цоканье, это — цоканье отдельных всадников, окружающих орудие. Это отличный звук от тех, когда кони бегут в упряжке. И опять — совершенно другие звуки, когда с невероятной быстротой — и поразительно — как она не ломается, как она живуча! — грохочет тачанка... Знаменитая историческая тачанка, с пулеметом, торчащим с деревянного ее сиденья! По каким полям, по каким рытвинам, на каких только ухабах не подскакивала эта тачанка, столько раз блестяще борющаяся на фронтах!

Лошади подобраны по мастям. У некоторых длинные хвосты, у некоторых хвосты подстрижены, в гражданскую войну, на юге — по этому признаку красные войска порой узнавали белых... У казачьих лошадей хвосты были длинные... И еще был признак — винтовку казаки носили не на том плече, как носили красноармейцы...

После конницы начинается царство резины. Мягко въезжают на площадь мото-механические части. Начинается шелест, особого типа шестельщая тишина и ровный бег многих тысяч колес. Все виды орудий на мягких резиновых колесах: тяжелые, легкие калибры, зенитные. Красноармейцы сидят и стоят на машинах лицами вперед, лицами назад — где как — сидят на скамейках, с боков, на всякие другие лады.

У Чехова есть описание артиллерии. Он описывал всадников, лошадей, упряжь и т. д., а когда дошел до орудия, то написал, что самое орудие имеет вид маленького затравленного зверька, которого неизвестно для чего окружают лошади и люди. Ах, это чеховское «неизвестно для чего»... Нам-то известно для чего! Наши орудия не имеют вида «затравленных зверьков», нет... Они имеют совсем другой вид, и даже очень известно, для чего их окружают люди. Если обязательно сравнивать, то ровно бегущие ряды вооруженных машин имеют вид огромного завода, в котором станки сорвались со своих мест, подковались колесами, переклучились на боевые действия, выбежали на площадь, построились в правильные ряды и готовы двинуться и двигаются — в данном случае, чтобы показать свою мощь и готовность оборонять страну, когда нужно будет, — ринуться и в беспощадный бой!

На многих машинах — прожектора, какие-то сложные сооружения, о которых нужно спросить, но как-то неловко спрашивать... Оказывается, вы очень многого не знаете, надо о многом спрашивать... Вот бежит за танками всех видов, форм и величин — какое-то чудовище... Что это? Только год назад или год с четвертью вы проходили военный минимум! Вас водили в Дом Красной армии — вместе с обучающейся группой, показывали все танки — не только в макетах, но потом еще возили в лагерь, и вы сами катались в них! Вам показали все, и вы думали, что знаете все, и всего за год или год с четвертью — сколько новых танков — и больших и малых, новых неизвестных конструкций! Когда же успели так быстро построить, придумать, осуществить?..

Машин бесконечное множество... Это уже действительно до конца напоминает необъятных размеров грозно поднимающийся завод. И это — не все... Скоро появятся и самолеты...

В прошлые годы самолеты летели над мото-мехчастями — это было неслыханное по мощи зрелище!

В последний год самолеты показываются через несколько минут после того, как прогрехочут последние танки!

В один из последних парадов в этот момент был маленький перерыв, во время которого на нашей трибуне звонкий детский голосок с удивительной решительностью произнес взрослую фразу:

— Об этом не может быть и речи!

И другой голосок, принадлежащий девочке, повторил:

— Об этом не может быть и речи!

И оба прокричали вместе:

— Мы отсюда не уйдем!

Они устали, бедняжки Отец хотел их увести, к нему и отсились эти поразительные по уверенности заявления.

Еще бы! Уйдут они, когда над площадью летают, делая фигурные полеты аэропланы! И как летают: и по тройке, и треугольниками, и разными другими четкими фигурами, и с особенной силой мчатся истребители, кувыркаются в воздухе, делают вид, что падают, с такой стремительностью опускаются, что замирает сердце, и тут же вновь взвиваются и исчезают за площадью. И вдруг все превращаются в мух, в комаров — когда появляются огромные машины, а после них — «Максим Горький»...

Все стоят, подняв головы. Несколько раз кричат и аплодируют. «Максим Горький» совсем низко пролетает над площадью и от него четкими звуками ниспадает музыка.

...Отстал, отстал композитор — составитель радиосимфонии! Нет в его фильме музыки с самолета! Надо дополнить! Слышите вы, товарищ? И чтобы было четко! Тут, понимаете, тонкая штука: восемь моторов работают, а среди них музыка. И доносится на землю совершенно явственно! И так выходит, что стук моторов даже чем-то помогает — в некоторых местах моторы образуют, сливаясь с музыкой, этаким оркестровым гулом...

Глаза устали смотреть вверх, а самолеты еще летят, летят! Площадь постепенно пустеет. Ушел огромный сводный оркестр, оглашая воздух последним маршем.

Площадь разрезана на много струй линейными, и сейчас — сейчас в них волюются тысячи, десятки, сотни тысяч демонстрантов...

...Вот! Ворвались! С каким напором! С каким ликованием! С новыми оркестрами, песнями, шумами, со знаменами, с новыми силами, с неиссякаемой энергией! Все с самого начала!

Над бесконечными колоннами — пестрое, многоцветнейшее разнообразие изобретательства масс, производственные макеты, портреты вождей в разных исполнениях и обрамлениях, карикатуры на империалистов, шутки, целые сценки, изображенные на холсте, на фанере, а то и в живом представлении — на грузовиках с живыми артистами в театральных костюмах!

С каждым годом усложняется творческая выдумка массовых колонн. В последний год к многочисленным выдумкам прибавились в большом количестве круглые, сделанные из марли щитки с портретами — щитки голубые, розовые, портреты полупрозрачные, очень украшающие шествие, очень живописные...

Затем шары... Маленьких, крупных размеров, цветные и очень приятные воздушные шары. К некоторым подвязаны на легких холстиках лозунги, и шары, покачиваясь, уносят их в голубую высь...

Пестрые краски, цветы, оркестры, песни, знамена, кипение многих и многих тысяч в горячей страсти...

Музыка, песни, голоса, выкрики, шум, краски — все это захватывает дух!

Многие устали. С некоторых рядов нашей трибуны постепенно начинают уходить.

Наш ряд еще стоит. Стоят военные, стоит их спутница в пестрой курточке, стоят многие другие...

...А где же этот, выразивший свою радость слезами? Плачет ли он еще?

Оказывается, нет... Он стоит, озаренный лучистой улыбкой, и смотрит на другие лица, на которых находит знакомое ему волнение, а на некоторых — и хорошо знакомые ему слезы...

Вышли в библиотеке Огонек

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ — «Детство Никиты», МИХАИЛ КОЛЬЦОВ — «В коре у змея», Б. ЛАПИН и З. ХАЦРЕВИН — Дальневосточные рассказы, А. ЧЕХОВ — «Наштанка», И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ — «Безмятежная тумба», Б. ЛЕВИН — Нина, Д. БОККАЧИО — Декамерон, В. ГЕРАСИМОВА — Рассказы, И. ТУРГЕНЕВ — Избранные стихотворения в прозе, ЛУИ АРАГОН — «Селенье Нлюз»,

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ — Новеллы из цикла «Тысяча», ПЭРЛ БАК — Земля.

Прыжок с парашютом

Фото Липскерова (СФ)

МОЛОДОСТЬ

МАТЭ ЗАЛКА

Теперь для меня все ясно. Это не было вопросом самолюбия или тщеславия, как уверяла Катя. Мы даже поссорились с ней тогда. Чтобы понять это чувство, надо самому испытать его.

Полгода назад я был буквально болен парашютизмом, болен оттого, что не мог решиться прыгнуть.

В один из выходных дней, в конце зимы, я поехал с несколькими товарищами на аэродром, где наш инструктор Яков Машковский объяснял нам задачи парашютизма и показывал приемы прыжков. Я совсем не думал о том, что буду когда-нибудь прыгать, полагая, что обойдусь и без этого.

Я — рядовой комсомолец, в ячейке занимаюсь делами пропаганды; очень люблю концертную музыку, танцы, хорошую книгу. Может быть вам покажется странным, но я даже не курю. Ребята это не очень одобряют, посмеиваются. Сейчас как раз я призываюсь в Красную армию. После службы в армии я думаю пойти в университет. Хочу быть профессором-преподавателем. Я интересуюсь философией, историей и другими гуманитарными науками, как говорит наш кружковод. Вообще я человек довольно замкнутый. Втайне от всех я написал большую работу: это не поэма, не роман, а скорее философский трактат. В нем говорится о том, как должен жить человек, чтобы быть примером для других и чтобы следы его дел не были забыты потомками. Эту густо исписанную тетрадь я никому, даже Кате, не показал,

хотя она самая замечательная девушка в мире, и нас с ней связывают самые лучшие чувства. Но если бы я сказал, что влюблен в Катю, это было бы банально и не соответствовало действительности. Впрочем, речь идет совсем о другом.

Из нашей группы в тот день не прыгал никто.

Зарываясь по колена в снег, приземлялись парашютисты. Главным образом молодежь: девушки и парни. Нас прокатили над аэродромом. Я летал уже не в первый раз, летать люблю.

В следующий выходной день трое из наших, сразу по приезде на аэродром, пошли записываться на прыжки. Через несколько минут они догнали нас у ангаров. Двое прямо-таки сияли от восторга, а третий что-то уж слишком суетился и моргал глазами. Я хорошо знал ребят. Все трое были моими друзьями, с ними я вырос, с ними вместе вступил в комсомол, вместе работали мы на фабрике. Мое сердце препротивно сжалось, когда я увидел комок их тел, падающий с аэроплана и сразу же разделившийся на три черных дольки. Момент — зонты раскрылись, я радостно вскрикнул и со всех ног бросился навстречу плывущим из вышины друзьям. Когда я подбежал, они уже приземлились. Прыжок сошел блестяще, и восторженная толпа окружила моих друзей. Я остался стоять в стороне.

«Что же я? Боюсь, что ли? Разве во мне меньше силы воли? Разве я слабее? Это оппортунизм, браток. Это уклонение

от прямого испытания. Или ты калека?», думал я, чувствуя, что мое лицо позорно заливают краска. Эта мысль вошла в мое сознание, как заноза.

С аэродрома возвращались взволнованные, радостные, кричали, перебивая друг друга, каждый старался держаться поближе к героям, особенно наши девушки. В трамвае какой-то мрачный субъект долго укорял нас за шумное поведение. Я молчал. Никто не обращал на это внимания, потому что я вообще молчалив. Катя, казалось, не замечала меня. А я продолжал копаться в себе.

«Ну, положим, я прыгну. Что же дальше? Какая цель? Я понимаю, когда человек попадает в беду на самолете, ему надо уметь прыгать. Но я же не летчик. Правда, нужно научиться владеть всяким оружием для того, чтобы, когда придет час, защищать социалистическую родину и метко целиться во врага».

В следующий выходной прыгала Валя Александрова и вывихнула себе ногу. Из первой тройки вторично прыгали двое. Я горел от стыда и избегал встречаться глазами с товарищами. В конце дня, когда мы уже уходили с аэродрома я внезапно принял решение и пошел записываться. Как назло, было отдано распоряжение временно прекратить прыжки. Снег начинал таять, и надо было ждать появления травы.

Полтора месяца тянулись мучительно. Я не находил себе места. Даже написал новый трактат: о силе воли, об общественных обязанностях, о трусости

и героизме. Трактат получился путанный, беспорядочный.

Весна все-таки пришла в свое время. Земля высохла, появилась мохнатая травка, и начались полеты.

Вот, наконец, я стою рядом с самолетом, опутанный лямками парашюта. Уселся. Я снова мысленно повторяю инструкцию, которую знаю наизусть. Мне кажется, что я совершенно спокоен, как вдруг замечаю, что мои руки постыдно дрожат, а грудь так стеснило, словно я попал между двух паровозов.

Мы виражируем. Я смотрю вниз и вижу ангары, а за ними густую присыпку людей на потной, блестящей под солнцем земле.

Пилот выключил мотор и повернулся ко мне. Я отстегнул ремень, вылез из кабины и стал на крыло, не сводя глаз с летчика. Сердце работает, как насос, громко и гулко, втягивая с силой кровь. Крылья аппарата холодно блестят на солнце. Земля расстилается под нами, как ожившая карта. Идут минуты. Нет, всего лишь секунды. В ожидании команды я левой рукой крепко держусь за распорку.

— Можете прыгать, — говорит пилот. — Я?! — во время удерживаю чуть не сорвавшийся вопрос.

— Ну, — повторяет летчик. Его лицо кажется мне мрачным.

Мои ноги словно приросли к самолету. И рука тоже приросла. Я готов к прыжку. Понимаете, я готов, вот только... рука...

— Прикажете вашей правой руке отпустить распорку. Соберите свою волю! — говорит летчик.

«Правая рука?.. Правая рука у меня свободна. Вы пере... перепутали», думаю я и чувствую, что падаю.

Воздух свистит в ушах, но я слышу шум включаемого мотора, — самолет удаляется.

Захлебываясь, я падаю. Сердце?.. Голова?.. Кажется, все цело. А земля?.. Надо дернуть кольцо. Судорожно дергаю, продолжаю падать. Друзья! Товарищи! Алло! Алло! Шуршит шелк... но... но почему не открывается. Мне жарко... Нельзя бояться...

СССР, ты внизу. Как долго!.. Шелк шуршит. Над головой мягко хлопнуло и меня потянуло назад. Я падаю вверх. Еще мгновение и горячая радость согревает тело, я весь покрываюсь густой испариной.

Открылся, все-таки. Ого! Ого-го-го! Надо сунуть кольцо за пояс. Готово. А теперь — земля. Земля. Она у меня за спиной. Повернуться! Я уже не падаю. Нет. Я стою на одном месте. Вишу, как на вешалке. Слово гигантская шляпа... Земля искоса широко накрывает меня.

Иди же! Поди сюда... а... Иди. Как жарко...

Только теперь до моего сознания доходит, что я все время громко кричу. Я растроган до слез и ловлю воздух ртом, как ребенок, которого окунули в холодную ванну. Уже спокойно я думаю — зачем я все-таки прыгал?

Но это же совершенно ясно.

Это не вопрос самолюбия, не тщеславие или самолюбование. Я прыгал для вас, дорогие мои братья, для СССР, который громадой искоса снизу бежит на меня. Только для вас прыгал я. И это

очень серьезное дело. Шутить с ним нельзя. Я еще могу успеть сломать себе шею. Внимание!!! (Я продолжаю громко говорить.)

— Соберите свою волю. Отпустите правой рукой распорку...

Так ведь я же держал левой рукой. Земля выпрямляется. Я чувствую, что опускаюсь. Земля останавливается. Надо нагнуться вперед и поджать ноги.

— Готово! Ноги мои прикоснулись к земле. Что-то отдает в ушах... Шелковый купол никнет к траве. Я весь мокрый. Я счастлив. Ко мне бегут друзья. На лице одного я читаю радость, в глазах другого — боязливая растерянность.

Подбежала и Катя. Остановилась поодаль и ждет, что я подойду к ней. Конечно, подойду. Но неужели она все такая же, земная, с обидами?! Даже странно... Ей надо прыгать, это очищает...

Однако, прежде всего нужно доложить инструктору, что я приземлился благополучно.

Мы с Катей идем к автобусу. Я оглядываюсь на аэродром. По зеленому полю бегут несколько игрушечных фигурок. В ясном глубоком небе кружат два учебных самолета. Ищу ту точку, откуда я прыгнул. Потом нахожу на земле то место, где я спустился. Получается линия от края круглого облака до будки сторожевого. Как коротко. Жизнь и смерть. И какая там доблесть... Нет. Я просто испытал себя и убедился, что готов к борьбе.

Я пытаюсь объяснить это Кате. Но у меня ничего не выходит — я весь полон радостью только что пережитого.

Писеры 12-й школы Мясны, Ленинского района в Парке Культуры и Отдыха в выходной день

Фото И. Шагина

Редакция и колле. тиз сотрудников журнала «ОГОНЕК» шлет горячий привет товарищу Эгону Эрвину Кишу ко дню его пятидесятилетия.

Мы желаем тебе, нашему другу, революционеру-писателю, „неистовому репортеру“, автору многих замечательнейших книг о друзьях и врагах, пламенному энтузиасту коммунистической печати всего мира — еще долгих лет такой же „неистойой“ плодотворной работы!

ПИСЬМО ЭГОНУ ЭРВИНУ КИШУ

Дорогой Эгон!

За последние десять лет мы с тобой по крайней мере сотню раз вели долгие разговоры, споры и дискуссии и ни разу еще я не сказал тебе ни одного резкого или неприятного слова. Я не стал бы этого делать и сейчас, если бы общественное мнение не только одной шестой земного шара, но и лучшей части остальных пяти шестых, не требовало от меня, чтобы я тебе напомнил, по случаю твоего юбилея, что тебе уже пятьдесят лет. Таким образом, я в первый раз говорю тебе неприятность, присоединяясь к бесконечной веренице поздравителей и напоминая тебе, что...

Как гласит извечная формула опровержения в буржуазной печати? (Ведь несмотря на то, что ты всегда писал правду и только правду, или именно благодаря этому, ты привык, чтобы буржуазная пресса опровергала тебя.) Формула гласит: «Сообщение, что «неистовому репортеру» Эгону Эрвину Кишу двадцать пять лет, не соответствует истине. В действительности ему гораздо больше...» Да, действительно больше. Ровно вдвое. Тебе пятьдесят, и именно потому, что последние двадцать пять лет ты провел не в бездействии и покое, а в неустанной борьбе и натиске, все революционеры и сочувствующие пяти шестых и одной шестой земного шара с радостью приветствуют тебя в день твоего пятидесятилетия. Делаю это и я, но делаю неохотно, ибо я по собственному опыту знаю, насколько приятнее праздновать не пятидесяти, а двадцатипятилетие. Мы, большевики, пьем из источника вечной юности, мы и без того остаемся до последнего своего часа молоды, но нам хотелось бы быть еще моложе, чтобы как можно дальше отодвинуть этот последний час. Не из страха, нет, страх перед смертью — удел нисходящих классов, нам он не знаком. Но мы призваны не только осветить мир, но и переделать его, а для этого нужно свершить еще великие дела. Драгоценный же ларец, из которого черпаются эти дела — время.

Ты лично меньше всего ощущаешь свои пятьдесят лет. Ты обладаешь бесценными качествами пятилетнего ребенка, ты подвижен, как ртуть, ты бесконечно любопытен и безгранично любознателен. В пятнадцать — так же как в двадцать пять и в пятьдесят лет ты всегда ставил перед собой великолепно детский и в то же время марксистский вопрос: «А что у куклы внутри?» ты вспарывал кукле живот и видел: внутри капитализм; о том, что ты видел, ты сообщал. Сообщение по-английски — report. Ты стал основателем нашего репортажа. И благодаря тому, что постепенно ты пропитал репортаж нашим духом, ты снова поднял на большую высоту этот вид творчества, пришедший в упадок в буржуазной литературе. Буржуазия тебя за это не благодарит, ибо ты сделал это по-ленински. Ты вытянул репортаж кверху так, как веревка тянет кверху повешенного. Ты свил из репортажа веревку, на которой должен быть повешен капитализм.

Поэтому, Эгон, ты выслан почти из всех капиталистических стран и очень мало можно насчитать таких, в которых ты не бывал бы арестован. Ибо ты совершил величайшее преступление, какое только может совершить революционер: ты изображал капитализм не таким, каким он сам себя изображает, а таким, каков он в действительности; ты призы-

Эгон Эрвин Киш

вал угнетенных всех стран, которые ты посещал в качестве «неистового репортера», не мириться с существующими условиями, а переходить в наступление. Ты знаешь, что твои буржуазные предшественники были путешественниками вокруг света. Крупнейший из них, Генри Мортон Стэнли, исследовал целую часть света ради капиталистической эксплуатации. Ты поставил этот метод на голову: ты исследуешь капиталистическую эксплуатацию в различных частях света в интересах пролетариата. Так возникли твои крупные репортерские книги: «Американский рай», «Тайный Китай», «Вход воспрещается».

Да, традицию путешествовать ты перенял у своих буржуазных предшественников. Не думаю, чтобы с начала мировой войны ты хоть раз оставался в одной и той же стране дольше шести месяцев. Непоседливость истинного революционера гнала тебя вперед. Ты ведь знаешь анекдот, сочиненный по твоему адресу:

- Что успокаивает нервы?
- Нервы.
- А что их возбуждает?
- Эгонервин!

Это острое слово возникло, благодаря твоему лучшему свойству. Ты тревожишь

буржуазные нервы. И еще как! Ты нападаешь на врага с помощью богатейшего фактического материала, который представляет собой в твоих руках не мертвую массу, а выстроенную в боевом порядке армию. А твой постоянный враг — это капитализм, существующий буржуазный порядок. Откуда ты черпаешь материал? Из архивов? Да, и оттуда. (Твоя яркая книга «Пражские преступники» написана по архивным материалам.) Но основным источником для тебя является общение с живыми людьми. Ты словно очерчен магическим кругом. Стоит тебе появиться в какой-либо стране, как в этот круг устремляется всякий, кто хочет тебе что-либо сообщить. Если ты проводишь в городе 24 часа, ты узнаешь из беседы с тянущимися к тебе людьми об этом городе больше, чем знают его историк, бургомистр и полицейский-президент, вместе взятые. И поэтому в последующие 24 часа тебе удается, сняв с них маски, с точки зрения пролетариата, показать во всей наготе историка, ведающего прошлым, бургомистра, ведающего настоящим, и шефа полиции, ведающего и настоящим и будущим этого города.

Твоя революционная непоседливость гонит тебя из страны в страну, из одной части света в другую. Если революции — локомотив истории, то ты — кочегар, который топит так, что локомотив мчится вперед со скоростью не шестидесяти, а ста, а то и больше, километров в час. (Отсюда и название твоей книги «Бег сквозь время».) Ты за высокие темпы, ты хочешь, чтобы они бесконечно возрастали. Твои собственные темпы тебя не удовлетворяют. Это знают все твои друзья, выдавшие твои рукописи. Эти рукописи поразительны. Наряду с текстом твоего несравненного репортажа, твоя быстрая рука, не поспевающая за еще более быстрым воображением, покрывает каждый лист рукописи чудесными рисунками. Текст отображает действительность в стремительных образах, зовущих к борьбе, а рисунки развивают и продолжают еще более стремительный полет фантазии.

Страница твоей рукописи выглядит, как лист из учебника магии.

Я говорил уже о магическом круге, окружающем тебя, а теперь я сравниваю с магией твои рукописи. Остается лишь убедить тех, кто тебя не знает лично, что ты действительно маг и волшебник. При помощи монеты, стакана воды, носового платка или булавы ты умеешь проделывать самые необыкновенные вещи. Нет такого общества, которым бы ты не интересовался, но нет и такого, которого ты не сумел бы заинтересовать. Если тобой безрезультатно испытаны все средства подойти к людям и вытянуть из них то, что тебе нужно, ты прибегаешь к «волшебству». Ты показываешь фокусы, люди ошеломлены, от изумления они раскрывают рты. А коль скоро рот раскрылся, ты уже сумеешь услышать из него все, что тебя интересует. Но как же ты делаешь фокусы? В том-то

*) Игра слов, основанная на именах Киша: Эгон Эрвин

и самое важное, что в последние полчаса ты разоблачаешь все фокусы один за другим: это, мол, не чудо, не магия и волшебство, а всего только быстрота и ловкость рук. Точно так же ты изобличаешь в своих произведениях капиталистический мир. Этот мир пестр и многообразен, он поражает, кажется магическим и таинственным. Но все это — одна видимость, ловкость рук капиталистических угнетателей.

Все это говорит о твоей любви к классу, во имя которой ты изображаешь капиталистический мир, изображая — разоблачаешь, разоблачая — помогаешь строить новый мир, о твоей любви к пролетариату и его отечеству — Советскому Союзу. Твои две книги «Цари, попы, большевики» и «Азия преобразуется» свидетельствуют о том, что никто из тех, кто посещал Советский Союз, — а имя им — легион, — не изучал эту страну с таким вниманием, любовью и воодушевлением, как ты. Советский Союз — единствен-

ное государство в мире, в котором ты провел подряд два года.

Твой антифашизм привел тебя к одной из самых бурных страниц твоей биографии, — к твоей поездке в Австралию. Ты стремился в Австралию, чтобы там принять участие в антифашистском конгрессе. Австралийские власти воображали, что они смогут тебе в этом помешать. Это доказывает, насколько буржуазия, боясь своих врагов, в то же время не знает их. Ибо ты, разумеется, спрыгнул на берег с парохода, который должен был увезти тебя из Австралии. Ты при этом вывихнул себе ногу, но своим врагам — австралийским друзьям фашизма и проповедников войны — ты свернул шею.

После этого они приговорили тебя к трем месяцам каторги, чтобы разрушить окончательно твоё здоровье работой в австралийских джунглях. Но ты, конечно, смеешься в ответ. Чем отличаются джунгли Австралии от европейского или

американского капиталистического бо- лота, которое ты неустанно расширяешь в течение двадцати пяти лет? Могут ли повредить тебе лишние три месяца? Об этом не может быть и речи! Этим лишь сделан тебе прекрасный юбилейный подарок, это громогласное признание того, что Эгон Эрвин Киш, пролетарский репортер, должен сидеть за решеткой и замком везде, где еще жив капитализм. Ибо ты опасен.

Эгон, тебе исполняется пятьдесят лет и нет такой капиталистической страны, куда тебе можно было бы свободно ехать. Приветствую тебя в этот день с твердым убеждением, что ты гораздо раньше, чем наступит твой следующий юбилей, въедешь в эти страны по мандату пролетарской революции.

Этого не только желает тебе, но и предсказывает твой старый друг

АНДОР ГАБОР

Перевод с немецкого Е. МАГАТ

ПОСЛЕ АТАКИ¹

ЭГОН ЭРВИН КИШ

Атака кончилась. Мы расположились на позициях, кото- рые мы обстреливали в течение двух месяцев.

Поле битвы еще не очищено от трупов, но на наши новые квартиры уже поступает почта. Я получил, наконец, письмо из дома и газеты, но читаю только урывками, так как все время меня посылают с разными поручениями. И стран- но путаются в голове мелочи, о которых я читаю, с разди- рающими событиями ада, в котором я живу.

В письме я читаю: «Эмиль Леман, который служил в сель- скохозяйственной банке, тот самый, который учился в гимназии вместе с Арнольдом, обручился с Кэтой Кали- вода из Вейнберга».

Мимо меня проносят на носилках кадета Винклера. Ранен шрапнелью. Весь в крови. Он делает мне знак, я подхожу к нему.

— Кланяйся от меня Праге!

— Мне до Праги не добраться...

Я читаю в газете: «Спортивный клуб Рудольфсхюгель играет против WAF. Этот воскресный матч двух команд, которые в течение всего сезона, несмотря на ожесточен- ную борьбу, сыграли вничью, мы должны...»

Меня посылают в соседний батальон.

— Где полковник Шпудиль? — спрашиваю я пулемет- чика Нитца, который вышел из окна по естественным на- добностям.

Он указывает мне направление. Вдруг — точно от земле- трясения — земля встает дыбом, раздается громкий свист, моя шапка слетает с головы, комья земли попадают в лицо.

Я оборачиваюсь. Пулеметчик лежит с раздробленной головой. А позади него, среди нагроможденных глыб — врезавшийся в землю снаряд. Неразорвавшийся снаряд...

Иду к полковнику и тотчас же обратно. Я еще дрожу, всем телом и торопливо схватываю газеты, чтобы забыть, чтобы думать о чем-то другом.

«Паулина Ульрих из дрезденского придворного театра оставила сцену и по этому случаю избрана почетным членом театра».

...«Барон Владимир Шлихтнер оставил в наследство замечательную коллекцию антикварных ценностей, среди которых табакерка, украшенная смелым рисунком Фраго- нара»...

Солдаты несут на брезентовых носилках раненого. Они опускают его на землю, чтобы несколько минут отдохнуть в нашем окопе. Мы смотрим в лицо раненого, прикасаемся к его руке: она холодна. Через несколько минут появляется батальонный врач.

— Заберите у него документы и вещи. Похороните за этим деревом.

— Слушаюсь!

Читаю фельетон: «Над куполами и шпилями свет луны ткет синеватое дрожащее мерцание и превращает ландшафт в странный мираж, кажим он рождается перед глазами во сне. Ингебор глядела рассеянным взором...»

Сообщение 12-й роты: «Пятнадцать убитых, восемьдесят

пять раненых, просьба прислать солдат для отправки раненых, так как наличный состав роты выведен из строя».

«Шестой день розыгрыша второй австрийской лотереи. По шести крон выиграли следующие номера: 703 625, 897 003...»

— Воды, ради бога, воды!

К счастью, в фляге еще есть немного холодного кофе. Человек, раненый в грудь, шатаясь, бредет дальше.

«Явский сахар — 23,6; серебро — 24,62; ливерпульские (текстиль) — 6500...» — «Из зала суда. Пример образцовой дочери дает двадцатичетырехлетняя Марта Планер из Когнатау...» — «Театр: В лице фрейлин Виктерфильд наша опера, как будто, наконец, нашла актрису, которой ей так не доставало со времени ухода фрау Бериль...» — «Завтра пойдет пользующаяся большим успехом оперетта «Музыкальная девушка»...»

— Отправляйтесь во второе отделение, надо похоронить двадцать трупов на участке Бишицки...

...Плотнее сожми винтовку — там из-за кочерыжек убранного кукурузного поля ползет человек. Нет, это наш, Кухнер, штабной горнист из третьего батальона.

— Ранен?

Он подтверждает кивком головы. Капля холодного кофе несколько облегчает его. Он был ранен еще утром, пуля попала в спину и пролетела через грудь. Он лежал без сознания, пришел в себя только после полудня. В течение нескольких часов пробирался вперед ползком, отчасти пото- му, что у него не было сил двигаться на ногах, отчасти же потому, что пули непрерывно свистели над головой. Он сам кое-как перевязал рану. Мы перевязываем его как следует и доставляем к солдатам, переносящим раненых.

Бедняга душераздирающе плачет:

— Там я лежал один, никто меня не видел, никто меня не слышал!

«В кино «Пассаж» завтра сенсационный триковой фильм...» — «Американский юмор...»

Один из наших притащил шинель и расстилает ее на земле:

— Так, теперь мне не будет так холодно...

— Где ты достал шинель?

— Там, с мертвого снял, они его хоронят сейчас.

Мы побежали к трупам, но там уже ни одной шинели, ни одного брезента. Товарищи из шестой роты забрали все. Возвращаюсь в палатку, принимаюсь снова за газету: «Цены на курорт...»

Нам холодно, и один говорит:

— Жаль, что мне не досталось шинели.

Все смотрят на говорящего и все чувствуют себя пой- манными на ужасной мысли: все мы желали в этот момент, чтоб было больше убитых, чтобы мы могли спать ночью на шинелях. И только один произносит то, что все грубо и эгоистически чувствуют: побольше бы убитых, еще больше, хотя и так много их, чье мертвое дыхание доносит сюда ветер.

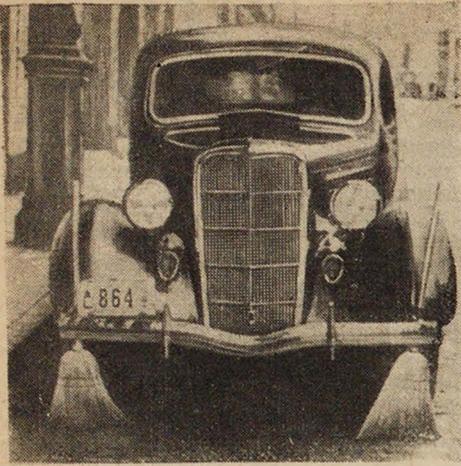
«Брачное объявление: тридцатипятилетний частный служа- щий элегантной внешности, материально обеспеченный...»

Парашида (Сербия) 1914 год.

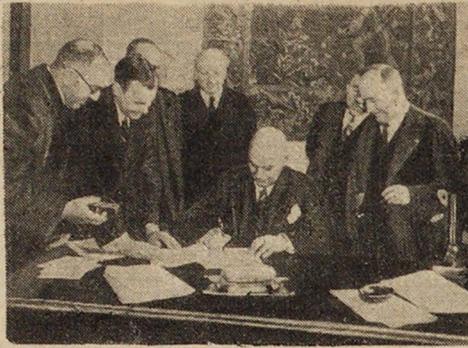
Авторизованный перевод с немецкого М. ЖИВОВА

¹ Настоящий рассказ публикуется на русском языке впервые

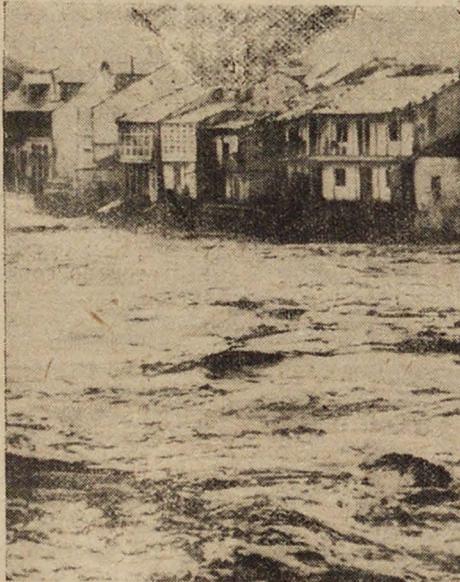
За границей

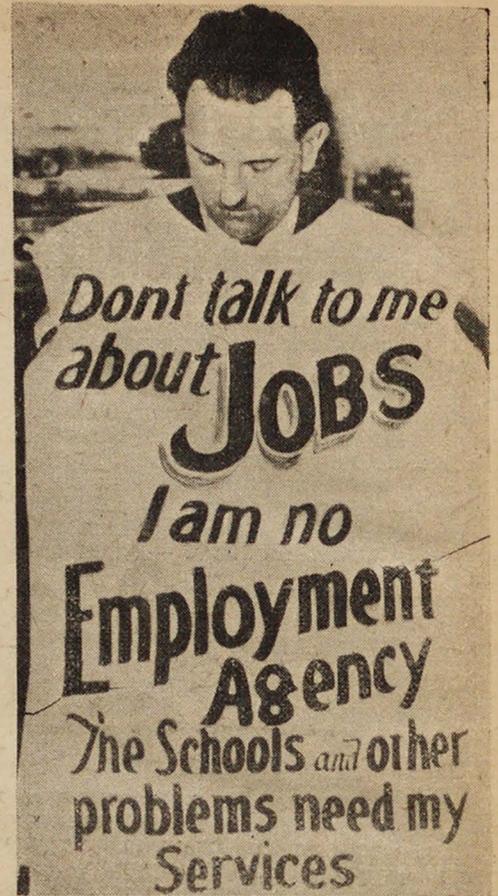
В ДНИ ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ НА КУБЕ. Всеобщая забастовка, недавно вспыхнувшая на Кубе, заставила бездействовать все промышленные и торговые предприятия. Кубинское правительство объявило военное положение и учредило чрезвычайные суды. Войска пытались пустить электрические станции и наладить транспорт при помощи штрейкбрехеров. Для борьбы с шоферами - штрейкбрехерами бастующие рассыпали на дорогах гвозди, куски железа и т. д. На снимке: штрейкбрехер пытается предохранить шины от прокола.

СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР. В Праге подписан торговый договор с Чехословакией. Подписание договора является серьезным шагом на пути дальнейшего сближения между обеими странами. Торговый договор, построенный на принципе наибольшего благоприятствования, является новой победой мирной политики СССР, выходящейся во всех областях международной жизни. На снимке: полпред СССР в Праге тов. Александровский подписывает договор. Около него (крайний справа) министр дел Чехословакии Эдуард Бенеш.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ В ИСПАНИИ. В некоторых провинциях Испании произошли сильные наводнения. В результате наводнения десятки тысяч человек остались без крова. Особенно пострадали жители провинции Галисия. Деревни и города провинции залиты водой.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ СЕНАТОР. Безработные штата Оклахома (США) явились с требованием немедленного предоставления работы к сенатору Никельсу. Изобретательный сенатор вышел к делегатам безработных с плакатом, на котором было написано: «Не говорите со мной о работе, я не бюро по приисканию работы».

НЕСГОРАЕМАЯ ОДЕЖДА. В Шеффилде (Англия) недавно демонстрировалась асбестовая одежда для пожарных. Испытания показали, что асбестовая одежда противостоит самому сильному огню.

ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ. В Нью-Йорке состоялась многолюдная рабочая демонстрация перед зданием Кубинского консульства. Демонстранты протестовали против зверских расстрелов рабочих на Кубе во время подавления всеобщей забастовки.

ВОСЬМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЕ г. МАСАРИКА. Исполнилось 85 лет со дня рождения президента Чехословацкой Республики г. Масарика. Эта дата была торжественно отмечена в Чехословакии. Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин послал г. Масарику приветственную телеграмму в день юбилея. На снимке г. Масарик (в центре) в день восьмидесятипятилетней годовщины в кругу представителей чехословацкой армии.

ПРОЦЕСС РИНТЕЛЕНА. В Вене в военном суде прошел процесс Ринтелена, которого национал-социалисты выдвигали на пост канцлера во время июльского путча. Антон Ринтелен приговорен к пожизненному заключению. На снимке слева: Антон Ринтелен.

СОВЕТСКАЯ КОЛОНИЯ на ШПИЦБЕРГЕНЕ

Инженер водного транспорта Е. Б. Каменев был назначен весной 1932 года заведующим морской частью нашей угольной колонии на острове Шпицберген.

За полтора года пребывания там он провел большую организационную работу, образцово оборудовал порт в Баренсбурге и организовал ряд экспедиций по шпицбергенскому побережью для разведывания новых пластов угля.

Вот что рассказал товарищ Каменев о Шпицбергене, посетив редакцию „ОГОНЬКА“.

Шпицбергенский архипелаг был открыт голландскими моряками в конце XVI века. Вслед за ними явились англичане и французы. С восемнадцатого столетия на Шпицберген стали плавать и русские промышленники с Мурмана и из Архангельска.

Летом в водах Шпицбергена собирались сотни китобойных и зверобойных судов, а на побережья залива Айс-Фиорд раскидывались многолюдные поселения промышленников.

Примерно сто лет назад стада китов ушли на запад в Гренландское море и Баффинов залив. Сильно уменьшилось и количество пушного зверя. Шпицберген постепенно опустел.

Некоторое оживление началось лишь с 1910 г., когда в районе залива Айс-Фиорд были открыты большие залежи каменного угля с выходом пластов на поверхность земли.

Голландские и скандинавские промышленники немедленно приступили к разработке угля в четырех пунктах: Адвенсбае, Кинсбае, Грумонт-Сити и Баренсбурге.

Тяжелые климатические условия и вечная мерзлота почвы создали для работы исключительно тяжелые условия. В конечном итоге, большинство шахт «не оправдало себя» и было переведено на консервацию.

То, что было не по силам для капиталистического хозяйства, легко выполнили мы. В 1932 г. советское правительство взяло концессию по добыче угля на Шпицбергене. На территории арендованного участка находились заброшенные угольные копи в Баренсбурге и Грумонт-Сити.

На Шпицберген приехали наши инженеры и полторы тысячи шахтеров. Началось оборудование гидротехнических причальных сооружений. В короткое время Баренсбург был превращен в настоящий порт с лучшей в СССР механизацией по погрузке угля.

Как живет советская колония в Баренсбурге и Грумонт-Сити?

Шпицбергенский архипелаг лежит за 80-м градусом северной широты. Зимняя ночь продолжается здесь более 4 месяцев.

Летом солнце, хотя и держится день и ночь над горизонтом, но лучи его почти не греют. Даже в самые теплые июльские дни температура не подымается выше 6—8 градусов по Цельсию. Растительности нет совершенно. Лишь кое-где на скалах торчит редкий, жиденький мох.

И все же нам удалось создать для рабочих хорошие жизненные условия. Помещения хватает на всех. Семейным отводятся отдельные комнаты.

В Баренсбурге около копей вырос маленький благоустроенный городок,

ские тральщики и пароходы с туристами. В навигацию 1934 г. Шпицберген посетило 15 туристских судов, на каждом из которых было 500—600 человек: французов, англичан и американцев.

Короткое северное лето проходит крайне быстро. В ноябре солнце прячется за горизонт и наступает полярная ночь. Навигация прекращается. Море сковано льдом, бушует пурга, налетают ледяные штормы, но жизнь нашей колонии идет своим чередом.

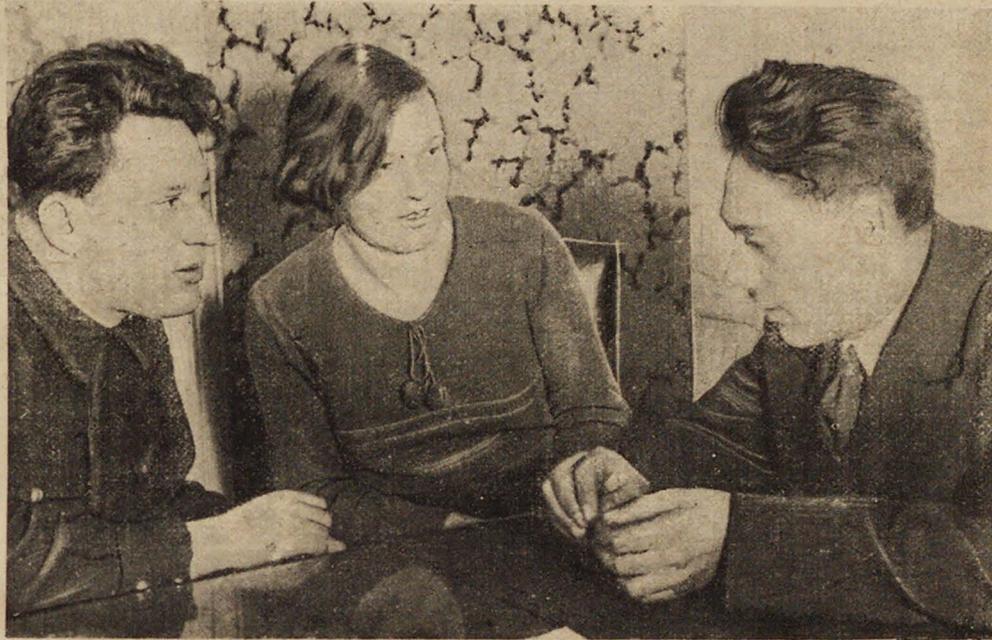
Работа чередуется с отдыхом. Свободные часы заняты учебой, чтением и отдыхом в клубе, где ставятся любительские спектакли и идут звуковые кинофильмы.

Связь с «миром» непрерывно поддерживается радиостанцией, дающей возможность слушать советские передачи и трансляции наших концертов и театральных постановок.

В итоге наши колонисты прекрасно

перенесли последние зимовки. Больных не имелось. О полярной психостении не было и помину. Хорошие жизненные условия дали возможность непрерывно повышать производительность труда и увеличивать добычу угля; в 1933 г. мы добыли 85 тысяч тонн, а в 1934 г. уже 180 тысяч. План этого года предусматривает получение 250 тысяч тонн угля.

Арендованный нами участок весьма богат углем. В бухте Пирамидо-бай, находящейся на территории нашей концессии, обнаружен, например, двухметровый пласт хорошего флотского угля. Нужно думать, что такие пласты имеются и в других местах. Разведка угля и оборудование копей в безлюдной полярной пустыне является делом не легким. Но каких бы трудов это ни стоило, мы освоим и используем полностью угольные богатства советской концессии.

Тов. Е. Б. Каменев в редакции „Огонька“

длинными и прямыми линиями тянутся двух- и трех-этажные домики, вдоль улиц настилены деревянные тротуары.

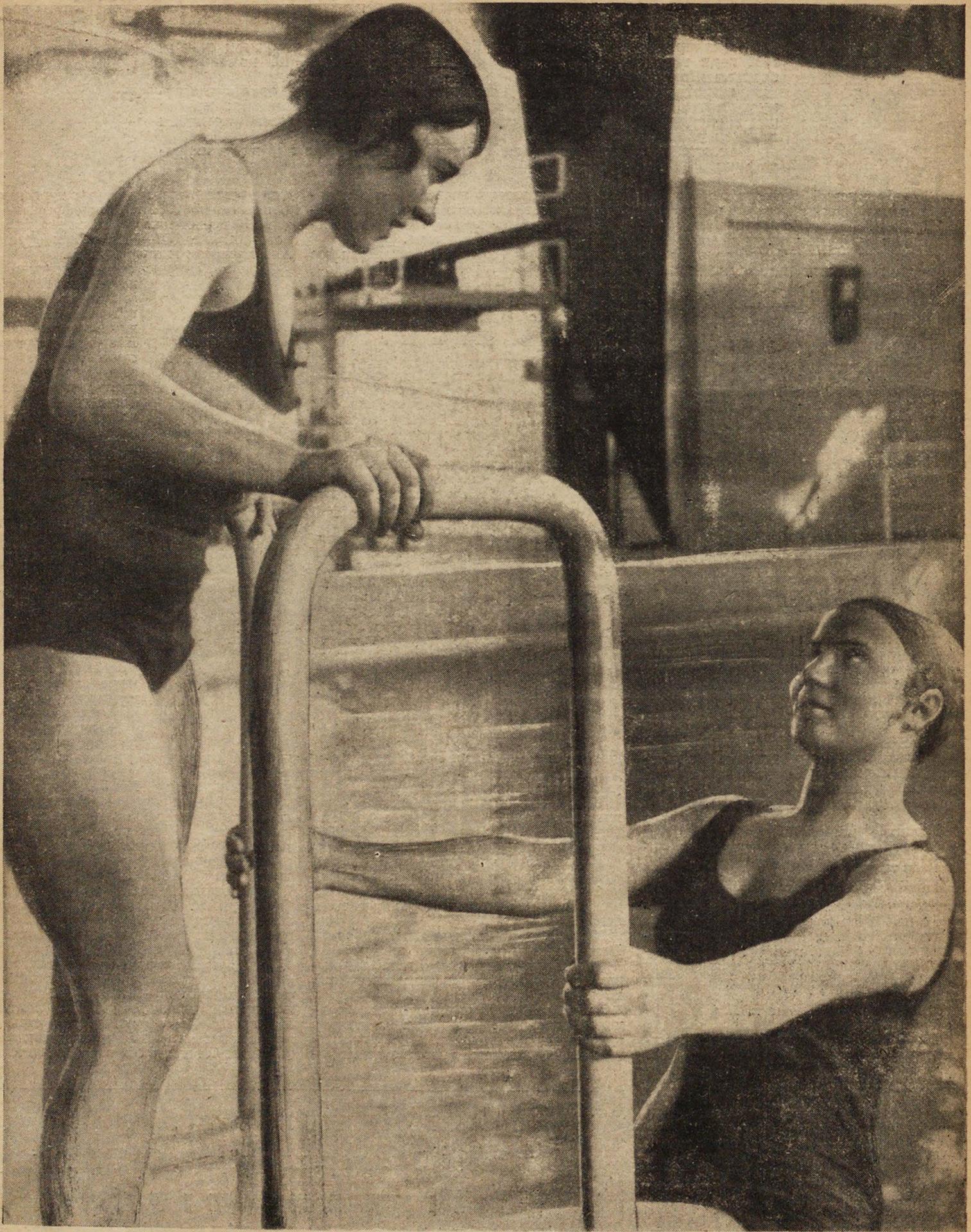
Для советского консульства и управления угольной концессии выстроены большие здания. Имеется также хорошо оборудованная больница и клуб с просторным залом для спектаклей и киносеансов. Все дома освещаются электричеством, улицы — прожекторами. Во многих домах имеется и центральное отопление.

Хорошо поставлено питание рабочих. Наши соседи — норвежцы, живущие в Адвенсбае, целый год едят лишь консервы, советские же рабочие постоянно имеют мясо и овощи.

Летом в Баренсбургском порту большое оживление. Приходят и уходят суда, привозящие грузы и забирающие уголь. То и дело заходят так же норвеж-

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ,
специальный номер журнала „ОГОНЕК“
„МОСКВА в прошлом, настоящем и будущем“.

Номер выйдет в виде художественного альбома объемом свыше 150 страниц и будет содержать несколько сот иллюстраций на плотной бумаге.

В Москве имеется два зимних бассейна для плавания. В Сталинском и Пролетарском районах. Ежедневно оба бассейна посещают около 3 000 человек. Всего в бассейнах занимаются 12 000 взрослых и 4 000 детей. На снимке: в бассейне для плавания Пролетарского района

Фото Б. Дорфеева

Меняется лицо Харькова. Университетский сад имени П. П. Постышева, расширенный и реконструированный по его инициативе, стал любимым местом отдыха трудящихся Харькова

ДЕНЬ СВИДАНИЯ

ШАЛВА СОСЛАНИ

Завод окончил свою производственную программу на десять дней раньше срока. Его вызвали в лучший Парк культуры и отдыха на площади Единения — вместе с другими заводами передовиками — на премирование.

Утром выходного дня рабочие завода выстроились со знаменами в ряд, и головная колонна, надев сверкающую медь, двинулась из ворот на улицу.

Шиван не пошел со всеми.

Шиван с гор, как его звали на заводе, был в числе тех лучших ударников, которых должны были премировать в этот день. Но он задержался дома. Шиван стоял перед зеркалом и непослушный палец его несколько раз застревал в луковичном узле нового галстука.

Колонна прошла мимо дома, в котором он жил. В его комнату, на четвертом этаже дома, несколько раз врвался ветром раскатистый звон оркестра, словно просовывая из синевы неба в окно свою медную, сверкающую голову.

А Шиван все стоял перед зеркалом и, переминаясь с ноги на ногу, беззвучно подпевал в такт удаляющемуся оркестру.

Сегодня у него был день встречи с девушкой в сиреневом платье.

Прошлый выходной день она стояла в Детском городке перед скульптурой мальчика, вынимающего из ноги занозу. За скульптурой — с другой

стороны — стоял и он. Может быть она нарочно ловила его взгляд, чтобы убедиться лишний раз, что он наблюдает за ней. Хитрюга! Посмотрела, посмотрела, затем поморщилась на солнце и пошла по боковой дорожке аллеи — одна, играя краями развевающегося сиренево-голубого платья, с забегаящими вперед тенями своих высоких ножек. Она прошла певучим шагом под матовыми фонарями электрических ландышей и, войдя в рощу старых тополей, уселась на скамейку со своими подружками.

Проходя мимо, Шиван замедлил шаги. Все трое подруг смотрели ему под ноги.

Ему показалось, что девушкам хотелось улыбнуться и они едва удерживали себя от желания посмеяться над ним. Но почему, спрашивается? Что, он не умеет ходить? Неуклюже выносит плечи, или у него стоптанные ботинки?

Все они — трое — были в физкультурных туфлях.

При желании он мог бы стать всеобщим бегуном. Сдавал все нормы ГТО при заводе. Соревновался с группой ребят, сдавших на значок ГТО при парке, и в запльбе даже перегнал всех.

Однако Шиван краем глаза заметил, что одна из трех, та самая, которая сиреневой веткой цвела среди них, смотрела как раз на его грудь, где на белой

майке у него висел значок. И он к тому же успел рассмотреть, что у нее сапой, у изгиба плеча, серьгой посверкивал такой же значок.

Фуу, было неслыханно жарко!

Шиван надел на голову новую шляпу и, взглянув в зеркало, отер под глазами теплую росу пота.

Узнает ли она его сегодня в новой шляпе?! В тот выходной день, когда он стоял в парке у барьера пруда, беззаботно обмахиваясь свернутой в кулак кепкой, по деревянному настилу, между стволами лип, снова мелькнуло знакомое сиренево-голубое платье, и к барьеру — с другой стороны пруда — подошла она. В руках она держала какой-то белый цветок. Она безотчетно рвала его лепестки и роняла их в небесно-прозрачный пруд. Лепестки, кружась, ложились на поверхности воды и, не расходясь по пруду, тихо плескались у ее ног, словно белые утята.

Из глубины пруда доносились детские выкрики. С веток лип и тополей струились музыка и смех и тонкая прядь пчелиного жужжания опутывала тишину рощи.

Девушка задумчиво глядела на него.

Но ведь он и не думал смотреть в ее сторону!

Только вода, вдруг, в пруду поднялась и стала на уровень их лиц. Такая

голубая и прозрачная! Все в ней было видно!

Из самого голубого неба-дна поднялся ветер и раскачал в стороны тени склонившихся над прудом берез и тополей. Волны подхватили белые лепестки цветов и разнесли их по всей зеркальной глади.

Шиван отпрянул от зеркала.

Сегодня в парке на площади Единения митинг заводов и фабрик, досрочно выполнивших все свои задания.

Шивана с гор должны будут премировать перед двадцатитысячной толпой народа. Увидит ли она, как его будут сегодня премировать? Ведь ей, должно быть, неизвестно, кто он?! А, возможно, что и она не менее значительная героиня у себя? Не оттого ли ее гордость? Задастся девушка, и ходит одна с задумчивым лицом... Пусть! Сегодня он ей высказает все...

Она, должно быть, давно уже ждет его у входа в парк. Он подойдет к ней, держа в руке шляпу, и, поклонившись, скажет:

— Здравствуйте! Здравствуйте! Я, кажется, немного опоздал... Меня задержали по делу... А вы давно ли тут? Хотите прогуляться со мной на площадь?

Шиван входит, словно с закрытыми глазами, через главные ворота в парк, и, только он вышел из закрытого деревянного павильона на площадь Ленина, его сразу обдало со всех сторон горячим потоком приветствий...

Сверху, над самой его головой, грянула музыка. По обе стороны центральной Ленинской площади привстали по десяти человек с медными трубами в руках и, направив прямо на него открытые глотки сверкающих на солнце фанфар, заржали на всю долину.

Отовсюду поползли на шестах кумачевые полотнища приветствий и, растрясая по дороге слова и буквы, с почтением склонили у его ног знакомые лозунги.

Шиван с гор поражен.

Он пятится к стене.

Он хочет свернуть с главной площадки куда-нибудь на боковую дорожку, но, повернувшись, он видит перед собой Сталина и Горького, шагающих по ковру зелени и цветов прямо в его сторону.

Шиван снимает с головы новую шляпу и глядит вниз на свои начищенные ботинки. Если она здесь, то она должна быть непременно тут... Он подойдет к ней, держа в руке шляпу, и, поклонившись, скажет... Но ее не видно: здесь столько людей кругом, глазающих на него, а ее нигде нет.

И он, надев шляпу, идет по главной аллее. Нет! Он сворачивает к Детской площадке.

Музыка гремит.

Сталин и Горький стоят у входа в парк и скрывают улыбки от него.

Шиван входит в Детский городок. Остановившись против бьющего в солнечных лучах фонтана и смотрит на каменного мальчика: мальчик все еще вынимает из голый ступни занозу. У него мучительно-сосредоточенное лицо. Хоть бы кто посоветовал ему! Вокруг фонтана военным маршем шагают дети. За ними следом марширует седая инструкторша в халате.

Шиван с гор надвигает на голову шляпу и идет к широкой гранитной лестнице.

По бокам встают знакомые присы, алые пионы и белые флоксы и, перегнувшись над каменным барьером, кланяются ему на тонких ножках теней, по несколько раз.

Привет вам, друзья! Привет, привет! Не знает ли кто из вас — где она? Она нежна, как лань. Она в сиреневом платье.

Шиван с гор стоит у подножья широкой лестницы и глядит вверх на площадку.

По лестнице сходят сотни, тысячи незнакомых лиц. Над ними несется синее небо, и каждый словно несет в охапке и на плечах солнечные снопы. А ее все нет! Возможно она скрывается в стое солнца! Солнце, развеи свои лучи!

Шиван стоит на том месте, где она стояла тогда, призывно оглядываясь на него, и держит наготове шляпу, чтобы поклониться ей.

Он смотрит по сторонам. Кругом сочувственно приподняли головки левкой и пахнут, пахнут, словно крича ее давно знакомое имя.

Может быть, она больна и сегодня не вышла в сад?

Он спросит у ее подруг... А почему же не спросить? Возможно они сидят попрежнему втроем на той же скамейке под тополем.

Шиван с гор идет по старой аллее тополей — на Площадь Ударника и радостно поправляет на груди значок. Это видят все... В клумбах хохочут розы: они бьются головками друг о друга и указывают в его сторону небрежно оттопыренными лепестками.

Он ищет скамейку.

Все кругом ищут места, где сесть, даже ветерок, забежавший с реки.

Вдруг огромный тополь протягивает ему ветку, как старому знакомому, и Шиван узнает...

Он узнает скамейку, на которой сейчас с одного ее края сидело солнце, посередине сиренела тень от ветки, а на другом краю, опершись подбородком о палку, отдыхал старик...

Он сел около тени, на солнце, и положил свою новую шляпу в сирень...

Старик оглядел парня с ног до головы, посмотрел в сторону дорожки, откуда пришел он и, упершись снова подбородком о палку, закрыл глаза, как старую тетрадь.

Шиван с гор просидел под тополем много часов и, когда он оглянулся, около него на скамейке, вокруг тополя и дальше в парке цвели уже лиловые тени сумерек.

В просвете дорожки медленно, как вечер, уходил старик.

Над площадкой впереди стоял розово-сизый дым заката, и в стороне, над рекой, в оранжевой радуге лучей качался воздушный шар.

Шиван с гор вспомнил, что ему давно еще, с самого детства, хотелось подняться на воздух: высоко-высоко над землей, над лесом, над самыми высокими горами и домами и над широкой голубой рекой, которую и глазом не переплывешь, и, схватив со скамейки полную солнечного тепла шляпу, помчался на авиоплощадку.

Площадка кишела людьми: это был уже последний рейс в небо.

Шиван с гор сел в гондолу и, улыбаясь, посмотрел на теснившихся внизу.

Все смотрели, с завистливо-запрокинутыми лицами, на увесившихся в поднебную корзину людей.

Кто-то скомандовал.

Шар качнулся дважды и...

Шиван вдруг заметил внизу, на земле, устремленные на него глаза.

Это было она: она стояла на пригорке, прижав к груди тонкий фуляр, и в глазах ее расходились и сходились, как тень от поднимающейся гондолы, печаль и радость...

Шиван крикнул, перегнувшись всем корпусом через край гондолы. Он взмахнул шляпой несколько раз и сердито топнул ногой о дно корзины, но шар тянул вверх.

Гондола поднялась: люди, деревья, домики, цветочные ромбы сада, все сжалось и прижалось к земле, как бы уходя на дно реки.

С пригорка отделилась маленькая, светло-сиреневая фигурка девушки, и неслышно перебежала в сторону отлетающей гондолы — к реке.

Шиван с гор приложил ухо к ветру, стараясь услышать ее голос.

Она подняла руку с розовым фуляром и застыла на месте, как ветка с цветком.

Он не видел больше ничего. Он только слышал отдаленный всплеск реки, отдающийся в его груди клокотанием пламени и, зажмуря глаза, ждал — когда узкая, колючая корзина, опустившись, ударится о землю...

Когда Шиван выскочил из гондолы, на авиоплощадке уже не было никого.

Он побежал к гранитному валу реки, где должна была сиять знакомая ветка, но на нем не было и тени ее.

Мимо, по каменной дорожке площадки, прогремели нарядные амовские автобусы, полные музыкантов и знамен. Вслед за ними показались колонны направляющихся на Площадь Единения рабочих-гостей парка — ударников и передовиков. С боковой аллеи вырвались физкультурники, четким шагом пересекающие главную дорожку к площади. Со звоном и хрустом колес по песку, пронеслись дорожкой сотни велосипедистов, и Шиван с гор стоял у каменного вала, словно зажатый в гранит.

В парке смеркалось.

Вечер уже расположился над прудом и на лужайках сада.

По реке несея лилово-оранжевый шлейф заката, и небо, спешно высыпая звезды, готовилось к торжественной встрече с луной.

Но вдруг на горизонте стрелой взвилась фейерверк и крупные, сухие звезды, разбегаясь в стороны, первыми встретили в небе лунный восход.

Из темной паузы Площади Единения вырвались длинные языки огромных световых огней, шарающихся друг от друга и смыкающихся в единый столб света.

Со всех сторон парка раздались зычные голоса сотен созывающих труб и с ними тысячи живых поющих голосов.

И парень с завода побежал вперед.

Он перебежал зажатые между липами и тополями бледные лунные клумбы и вышел у начала Ландышевой Аллеи. Над его головой, по ровному строю железных стеблей, окрашенных лунным светом, цвели белые фонари. И только один из ландышей, в самом конце аллеи, не светил. Он свисал под железной дугой высокого стебля, как завядший...

Шиван с гор остановился, прижав к сердцу шляпу, и крикнул.

И словно в ответ, парк, как эхо, огласился праздничным светом. В зареве бенгальского огня, со стороны Площади Единения поднялись сиренево-зеленые контуры высокого сада, и Шиван, не оглядываясь, побежал на площадь...

...Она была на Площади Единения.

Она стояла на трибуне громадной открытой эстрады перед многоотсычной аудиторией собравшихся на праздник единения передовиков заводов и фабрик столицы, и держала приветственную речь к рабочим — от имени Союзного пролетарского Парка.

„ГЛОБУС“

Новая игра читателей
„ОГОНЬКА“

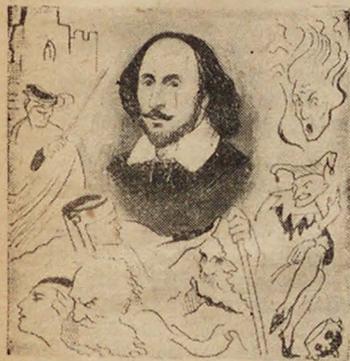
Составил С. Глязер
Рисунки Л. Смехова

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

АНГЛИЯ

С этого номера мы начинаем новую игру „ГЛОБУС“. Каждая серия будет посвящена одной стране, ее историческому прошлому, географии, важнейшим открытиям и исследованиям, выдающимся деятелям страны и т. д. В этой игре проверяется не только память, но и умение пользоваться книгой, справочником и т. п. Напишите нам, как понравилась игра, какие у вас будут пожелания. Ответы будут помещены в следующем номере „ОГОНЬКА“.

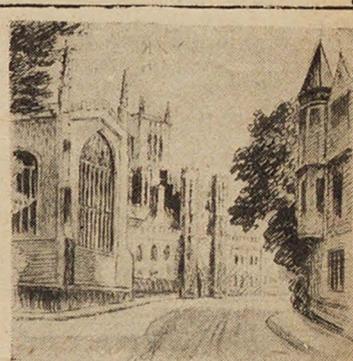
1. Величайший драматург и поэт мирового значения, интерес к произведениям которого не уменьшается на протяжении веков. Его подлинная биография и настоящее имя неизвестны до наших дней. Назовите его имя, эпоху, в которую он жил, и перечислите его пьесы, идущие на сценах наших театров.

2. Этот выдающийся философ-материалист требовал, чтобы наука перестала изучать то, что недоступно опыту и наблюдению. Опыт, по его мнению, единственный надежный источник знания. Кто этот философ, когда он жил?

3. Поэт-аристократ, создавший целую школу. Выступивший на защиту ткачей и затравленный высшими кругами Англии. Он покинул родину и принял участие в революционной борьбе Греции против турецкого владычества. Его творчество имело огромное влияние на поэзию первой половины XIX века. Назовите его.

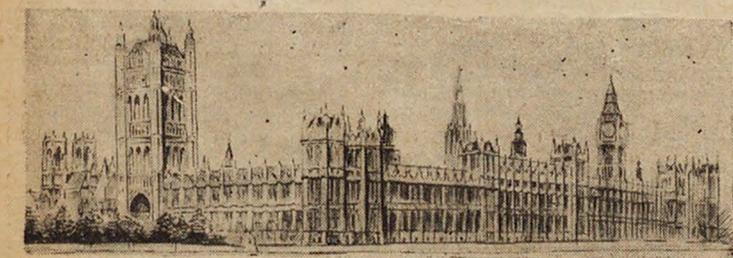
4. К северо-востоку от Лондона расположен стариннейший университетский город. Что это за город, когда в нем был открыт первый университет и какие два величайших ученых — математик и биолог — закончили в нем свое образование?

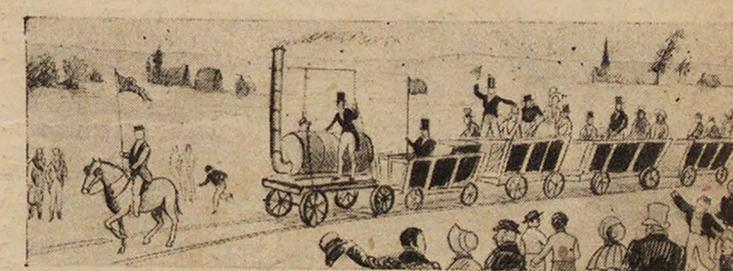
5. 50-тысячная армия крестьян, вооруженных косами, топорами и вилами, двинулась на Лондон. По требованию повстанцев, король Англии Ричард II отправился к народу, чтобы выслушать его жалобы, но, побоявшись очутиться у него в плену, повернул свой корабль обратно. Когда произошло это восстание и кто его возглавлял?

6. «Вы не парламент, говорю, вам что вы не парламент. Я положу конец вашим заседаниям», заявил вождь английской буржуазной революции, проделавший путь от скромного оппозиционера до невенчанного короля Англии. Парламент был распущен. Кто был этот вождь и как назывался разогнанный им парламент?

7. Стариннейшее законодательное учреждение Англии, сохранившее множество средневековых обычаев до наших дней. Что это за учреждение, какова его структура и кто имеет право выбирать в него своих представителей?

8. Первая в мире железная дорога была проложена в Англии. Поезд состоял из локомотива и открытых повозочек. Впереди поезда ехал всадник с красным флагом, предупреждая о приближении машины. Кто изобрел паровоз, между какими двумя городами Англии и когда была проложена первая в мире железная дорога?

На разные темы

ДЕШЕВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Приводим выдержку из судебного приговора, вынесенного недавно на Малайском полуострове (Южная часть Индокитая, колония Англии):

«Мы, Д. Ф. Бридж, окружный мировой судья, основываясь на полицейском донесении, на опросе свидетелей, а также на удостоверении врача, установили, что:

Ван-а-Су, хозяйин 12-летней работницы Лу-Ха-Шен, не зарегистрировал ее согласно установленным правилам в муниципалитете; Ван-а-Су вместо того, чтобы платить жалование своей работнице, наносил ей ежедневно многочисленные удары палкой. Жена Ван-а-Су Лин-Ки-Ши, находясь в состоянии гнева, пригласила различные нежные места тела служанки Лу-Ха-Шен раскаленными докрасна щипцами для завивки волос, после чего Лу-Ха-Шен убежала к своей матери, которая и обратилась к китайскому консулу.

Принимая во внимание вышеизложенное, приговариваем Ван-а-Су и Лин-Ки-Ши к уплате штрафа в размере 20 малайских долларов».

„Малай Уинли Таймс“,
Маланна

ЮМОР МАРКА ТВЭНА

В связи с исполняющимся в апреле 1935 года столетием со дня рождения Марка Твэна, известного испанский писатель Рамон Гомец де ла Серна поместил в мадридском журнале «Диарио» интересную статью о жизни и творчестве знаменитого американского юмориста.

«Нас было двое близнецов — Марк и Вильям — и мы ходили друг на друга, как две капли воды. Когда нас в первый раз купали, повивальная бабка зазевалась, и один из нас захлебнулся. И до сих пор неизвестно, который остался в живых».

Так рассказывал Марк Твэн о своем появлении на свет. Если слушатели при этом, улыбаясь, пожимали плечами, как бы говоря: «не все ли равно?», Твэн отвечал с невозмутимой серьезностью: — Я не знаю Марк я или Вильям — это составляет трагедию моей жизни.

Это была бурная жизнь. Типограф, солдат, летчик, моряк, репортер, актер, издатель — Марк Твэн преуспевал во всем.

Его настоящее имя было Сэмюэль Ленгортн Клемэнс и история его псевдонима весьма характерна для его приключенческой натуры и неисчерпаемого юмора. Однажды, находясь в плавании на реке Миссисипи, он услышал недалеко от судна какую-то ритмичную песню. Он приблизился и с удивлением обнаружил негра, который измерял веревкой глубину реки, считая сажени нараспев: «марк уэн», «марк твэн». — «Это зрелище показало мне настолько забавным, что я тут же решил присвоить псевдоним «Марк Твэн» — рассказывал впоследствии великий юморист.

Незачем и говорить, что в Соединенных Штатах о Марке Твэне существует множество анекдотов. Однажды писатель, зайдя в книжную лавку, выбрал книгу. «Сколько?» «Четыре доллара.» — «Да, но я, в качестве журналиста, имею право на скидку, не правда ли?» «Разумеется.» — «Позвольте вам также сказать, что я автор многих романов и как писатель также могу рассчитывать на уступку.» — «Несомненно.» — «Затем, — продолжал Твэн, — я акционер вашего торгового дома и, согласно устава, получаю 10% скидки при покупке.» «Хорошо, сударь.» — «И, наконец, — я позволю себе представиться. Я Марк Твэн и хочу, чтобы вы это учли при расчете со мной.» — «К вашим услугам.» — «Сколько же я вам должен?» — «Да ничего, — отвечал продавец, — наоборот, я вам должен доллар. Потрудитесь подойти к кассе».

В другой раз, один из читателей писателя, который был на него очень похож, прислал ему свою фотографию с просьбой написать ему, что он думает по поводу этого поразительного сходства. Твэн ответил ему: «Милостивый государь! Ваша карточка похожа на меня больше, чем я сам. Я вставил ее в рамку и повесил в ванной комнате вместо зеркала, чтобы бриться, глядя на нее».

Анекдоты о Твэне заслуживают внимания потому, что все его творчество — цепь веселых анекдотов, в которых, однако, каждая фраза — пощечина по недостаткам и моральным условиям общества.

Однажды он присутствовал на уроке в воскресной школе в штате Миссури. После того, как пастор окончил проповедь «о настойчивости», Твэн взял слово и рассказал следующую историю:

«Дорогие дети, когда я был в вашем возрасте, я наблюдал пример настойчивости, которая не была вознаграждена людьми, но вознаграждена, несомненно, господом. При прокладке дороги рабочие взрывали скалы динамитом. Я с товарищем наблюдал одного усердного рабочего, который набивал дыру в скале порохом с такой настойчивостью, что порох преждевременно взорвался, причем на воздух взлетели и скала и рабочий. Его подбросило так высоко, что он казался один момент не больше воробья. Потом он стал опускаться; едва коснувшись земли, он снова настойчиво принялся за работу. Видите, друзья мои, какой великодушный образец настойчивости. Однако, в субботу, при расплате, подрядчик вычел из его заработка плату за те 15 минут, которые он пробыл в воздухе».

Этот рассказ характерен для всего его творчества. Его юмор привлекателен и полон глубокого смысла.

Марку Твэну помешало достигнуть вершин творческого могущества отсутствие того, чем в избытке обладал его соотечественник Эдгар По: чувства трагического контраста. Его сатира на человечество, тем не менее, правдива.

Ко всему сказанному автором статьи о Твэне необходимо прибавить тот известный из его биографии факт, что Марк Твэн находился под сильнейшим влиянием своей семьи, которая в корне пресекала все его попытки быть радикальным в своем творчестве.

ВЫСТАВКА НЕДОСТУПНОГО

В Париже в феврале открылась большая выставка механизации домашнего хозяйства. Выставка нарядна и интересна. Здесь можно увидеть механические щетки, газовые кухни, механические шкафы для мытья посуды, приспособления для замешивания теста...

Вот машина, которая автоматически чистит картофель; при помощи этого аппарата натереть паркет сможет маленький ребенок. Нажмите кнопку, и белье выстирается само собой. Имея эту эмальрованную сверкающую плиту, потребуется в три или четыре раза меньше времени на приготовление обеда.

Не говорит ли эта выставка о наступлении того светлого времени, предсказанного Лениным, когда женщин будут освобождены от домашнего рабства, от грязной

возни, от изнуряющей, непродуктивной работы по обслуживанию своей семьи... Увы, нет!

За аппарат для натирки полов нужно заплатить полторы тысячи франков. Почти столько же стоит пылесос. Комнатный холодильник для хранения продуктов стоит две с половиной тысячи франков, машина для стирки белья — 1 800 франков; даже для мытья посуды нет аппарата, который стоил бы дешевле нескольких тысяч франков.

— Уверю вас, сударыня, — повторяет без устали продавец стиральных машин, — наша машина очень дешева. Вы можете за нее платить в рассрочку по 90 франков в месяц. Когда вы выплатите всю сумму, вам не нужно будет больше нанимать прачку.

Эмблемой всей выставки является механическая домашняя прислуга, женщины-робот. Но эта великолепная выставка ни в какой мере не рассчитана на тех женщин, которых изнуряет работа по хозяйству. Она рассчитана на тех, кого деньги давно уже освободили от домашних забот, которые могут нанимать себе сколько угодно прислуги, прогонять одних и нанимать других, если, по их мнению, они работают недостаточно быстро.

В том же месяце по официальной статистике в Париже было 20 000 безработных женщин, служивших раньше горничными. В действительности их очевидно гораздо больше...

„Коммюн“, Париж

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ РЕБЕНОК

Приравнивается ли в правах ребенок, родившийся после смерти отца, к ребенку, родившемуся при его жизни? Этот вопрос, нелепый для нас, явился недавно в Англии предметом долгого обсуждения в высших судебных органах и даже обсуждался в палате лордов.

Лондонская газета «Дейли экспресс» сообщает:

«Через полтора месяца после смерти мистера Эллио, жена его родила сына. Мать покойного м-ра Эллио завещала свое состояние (50 000 фунтов стерлингов) своим трем сыновьям и их детям. Часть юристов склонна была признать за новорожденным права на долю в наследстве. Однако, остальным наследникам удалось довести дело до палаты лордов, которая разъяснила, что ребенок, родившийся после смерти отца, вообще не может быть признан легально существующим».

КНИГИ

ПО РЫБОЛОВСТВУ

библиотека

рыболова:

15-20 новейших изданий авторов: Баранов, Гефсиманский, Арнольд, Кунилов и др. по вопросам разных видов и способов лова, сетей, орудий лова, снастей и проч. ценою 15 р. высылают наложенным платежом: Ленинградский Отдел КОИЗ, Ленинград, Гостиный двор, магазин № 127 Д.

НОВИНКИ по ПУТЕШЕСТВИЯМ И ПРИКЛЮЧЕНИЯМ

Последняя экспедиция Вегенера в Гренландию 1. 1931-1931 по воспоминаниям ее участников и дневникам Вегенера с иллюстр. в перепл. 9 р.
2. Книд Раемуссен

Великий санный путь

13000 километров по неисследованным областям арктической Америки. С иллюстр. в перепл. 7 р.

ИМЕЕТСЯ:

В. Ю. ВИЗЕ — На «Сибирякове» в Тихом Океане. Описание в увлекательной форме истории этого похода Краснознаменного «Сибирякова» вокруг материка Европы и Азии в 223 дня. С иллюстр. 5 р.
Книги высыл. н/лож. плат. Адрес для заказов:

ЛЕНИНГРАД, 104, «Международная Книга»

**ЛУЧШЕЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ОТПУСКА**

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СССР

О-вом Пролетарского Туризма и Эскурсий открыта запись в 1935 г. на следующие маршруты:

Кавказ	Беломорканал	Озеро Селигер
Крым	Ленинград	По Днепру
Алтай	Кузбасс	По Черному морю

Продолжительность маршрута от 5 до 22 дней.
Стоимость от 70 до 415 рублей, в которую входит: питание 3 раза в день, кровать с постельным бельем, культэкскурсе, обслуживание, внутримаршрутный транспорт.

Запись организацией групп и одиночек производится:

Москва, 12, Ветшинный пер., 9, Сектор записи СТХ ЦС ОПТЭ
Ленинград, ул. Пестеля 9, Контора записи ОТХ ЦС ОПТЭ
Иваново, Батуриной, 8, клуб БИМ
Горький, ул. Свердлова, 2 дом Раброна,
Контора записи ОТХ ЦС ОПТЭ
Минск, ул. Урицкого и Карла Маркса
118, Контора записи ОТХ ЦС ОПТЭ.

ЗАПРОСЫ ВЫСЫЛАТЬ ТОЛЬКО С ОПЛАЧЕННЫМ ОТВЕТОМ

ПОРТРЕТ

исполняю художест. увелич. с люб. фотокарт. разм. с пасп. пар. 32 x 40 черн. — 26 р.
тон селки (коричн.) — 35 р.
3 упаковки и пересылкой.
Лаком дорожке на 2 руб.
Задаток 50%. Исполнен. 15 дней. Москва, 47, Б. Грузинская 75, кв. 27.
Худ. фотограф. ЛАЗ. Влад. Самойлович.

НАРКОМВНУТОРЕ РСФСР

Государственная Контора
Почтовой Торговли

«ПОСЫЛГОСТОРГ»

Москва, ул. Кирова 47/7

ПОСЫЛГОСТОРГ высылает по почте и железной дороге посылками в любой пункт Союза индивидуальным заказчикам, организациям (кроме торгующих) и коллективам следующие товары:

ГАЛАНТЕРЕЯ И ТРИКОТАЖ

	Р. К.
Чулки детские хлопчатобумажные	1-25
Чулки дамские хлоп.-бумаж. от 1-85 до	3 —
Чулки детские ласточки	2 —
Носки мужские от 1-35 к. до	3 —
Перчатки трикотажные дамские	2-15
Перчатки трикотажные мужские	2-40
Свитры мужск. хл.-бумаж. от 8-35 к. до	12 —
Костюмы дамские	45-95
Рейтузы дамские разного размера	5-30
Костюмы детей хл.-бумаж. от 15-90 до	20-59
Жакеты дамские хлопчатобумажные	17-65
Свитры детские	4-90
Трико дамское от 1-55 к. до	2-30
Майки спортивные	2-30
Футболки	4-35
Жакеты дамские пионерские	17-65
Блузки вискозные от 19-65 к. до	23-10

	Р. К.
Платья дамские вышитые от 33-90 к. до	59-15
Платья для подрост. вышит. от 21-10 до	43-25
Блузки вышитые от 23-75 к. до	43-70
Сарафаны вышитые	44-25
Помочи бумажные разного артикула	3-85
Помочи шелковые разного артикула	5-05
Подвязки мужск. раз. артикулов (пара)	1-05
Подвязки дамск. разного артикула (пара)	1-85
Подвязки детские разных артикулов (пара) от 77 к. до	1 —
Резина 10 м. подвязочная гфре бумаж.	8-65
Резина 10 метров подвязочная гфре шелковая от 9-90 до	16-10
Резина 10 метров гладкая шелковая куст. в арт. от 8-45 к. до	18-85
Расчески галлозитовые разных артикулов от 41 к. до	2-60

	Р. К.
Гребни дамские от 1-20 к. до	3-50
Гребешки целлюлозные частые (штука) от 94 к. до	3 —
Иголки швейные в тысячах от 6-70 до	23 —
Иголки мешочные	61-81
Иголки парусиновые	15-15
Иголки шпирные от 7-70 до	12-10
Спицы вязальные	36-30
Крючок таборный	92-25
Булавки английские	22-10
Дамские сорочки вышитые	12-30
Дамские белье гарнитур вышитые	21-20
Рубашки мужские украинские и косоворотки от 46-55 до	54-41
Дамские вышитые костюмы	55-50
Комплект столового льняного белья: 1 скатерть и 6 салфеток от 49-50 до	70-50

МЕТАЛЛО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ

Ножи хлебобрезные шт. шт.	3-45
Ножи с вилками одностольные ст. фас. от 2-90 до	3-60
Замки автоматические шт.	71 —
Ножи с вилк. дерев. ручки от 1-95 до	3-90
Ножи перочинные разные	5-35

Ножи перочин. карманные от 1-55 до	2-65
Ножницы разные от 3-85 до	5-75
Пилмуса	17-30
Замки-щелкуны шт.	1-85
Напильники трехгранные шт.	1 —
Напильники полугранные шт.	1-30

Сковородки эмалированные 10 см. шт.	4-30
Кровати металлические крашенные инвентарные от 153-60 до	240
Кровати походные дачные односпальные	42-60
Замки висящие 75 см.	1-75
Видоны одинаков. 2 л. и 4 л. от 5-45 до	8 —

ПОСЫЛКА 102 (набор дамского белья)

Белье трикотажное мужское	1 комплект
Носки хлопчатобумажные	6 пар
Рубашки вышитые (украинка) из льнян. пол.	1 шт.

ЦЕНА — 70 руб.

Чулки хлопчатобумажные	6 пар
Трико хлопчатобумажное	2 пары
Сорочка из льнян. полотна с выш. и мерек.	1
Сарафан из льнян. полотна с выш. и мерек.	1 пара
Платье из льнян. полотна с выш. и мерек.	1 »
Блузка из льнян. полотна с выш. и мерек.	1 »

ЦЕНА — 145 руб.

Заказы выполняются на сумму не менее 10 рублей. В указанные цены включена стоимость пересылки. Заказы организациям выполняются в срок до 25 дней со дня получения ПОСЫЛГОСТОРГОМ 50% стоимости заказанного товара, индивидуальным же заказчикам по получении всей стоимости. Заказы и деньги шлите по адресу: Москва, ул. Кирова 47/7 ПОСЫЛГОСТОРГУ. Расч. счет № 60019 в МОК Госбанка. Заказы следует писать четко, с подробным наименованием адресата, с указанием ближайшего почтового отделения и железнодорожной станции.

ТРЕБУЙТЕ НАШИ КАТАЛОГИ по фото, музыке, спорту, санитарии и гигиене, канцел. товарам, диапозитивам на пленке и стекле и аппаратуре к ним муляжам и физ. приборам.

КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО

